15 к.

В первом полугодии 1982 года
в библиотеке «Писатель и время»
вышли книги:

Ю. Аракчеев. Деловые люди
В. Гребенюк. Кооперация
А. Старухин. Перевал Даван
И. Фоняков. Пятьдесят писем из председательской папки
Г. Семар. Земляки
Н. Смирнов. Было на Самотлоре
Ю. Синяков. Нововоронежская династия
Е. Яковлев. На пожаре и без него
В. Снегирев. Наш полюс

Над книгами библиотеки «Писатель и время» работают писатели: А. Аграновский, М. Алексеев, В. Белов, А. Блинов, Ю. Галкин, Л. Жуховицкий, А. Зябрев, И. Ирошникова, В. Исаков, Г. Коновалов, Г. Машкин, В. Поволяев, В. Распутин, П. Ребрин, А. Ремемчук, В. Росляков, Ю. Стрехнин, Э. Ставский, Р. Хакимов, Ю. Черниченко.

Приобретайте книги в магазинах книготорга и потребительской кооперации, в киосках «Союзпечати».

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Константин ВАНШЕНКИН

РАССКАЗ О ПОТЕРЯННОМ ФОТОАЛЬБОМЕ

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Константин ВАНШЕНКИН

РАССКАЗ О ПОТЕРЯННОМ ФОТОАЛЬБОМЕ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1982

Р2
В17

Автор книги — известный советский поэт и прозаик Константин Ваншенкин, участник Великой Отечественной войны. Для него и его поколения далекая, но столь памятная война — это прежде всего время их молодости.

В очерках рассказывается о дорогих товарищах юности и редких сегодняшних встречах с теми из них, кто остался жив, о народном подвиге.

Книга состоит из литературных миниатюр, написанных К. Ваншенкиным для фотоальбома о войне, который составлялся автором несколько лет назад совместно с писателем С. С. Смирновым и фронтовым фотокорреспондентом М. А. Трахманом.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

БОНДАРЕВ Ю. В., БЕНЕНСОН А. Н., БЛИНОВ А. Д., ВИКУЛОВ С. В., ИВАНОВ А. С., КРАМИНОВ Д. Ф., ЛОПАТИНА Е. К., МЕДНИКОВ А. М., ПОВОЛЯЕВ В. Д., РОСЛЯКОВ В. П., СЕРГОВАНЦЕВ Н. М., ЧИВИЛИХИН В. А., ШАПОШНИКОВА В. Д., ШУРТАКОВ С. И.

В $\frac{4702010200-112}{М-105(03)82}$ КБ—32—14—1982

© Издательство «Советская Россия», 1982 г.

Одно из необыкновенно ранних, почти нереальных воспоминаний: я иду с матерью по яркой весенней улице, вернее, мама ведет меня за руку, и вдруг навстречу о н — громадный, в длинной шинели, в шлеме-буденовке со звездой.

— Кто это? — а сам уже догадываюсь, знаю, видел в книжке на картинке. Но с замиранием жду подтверждения.— Красноармеец! — И чувство восторга от его громадности, его вида, самого этого слова.

Потом, я уже учился во втором классе, были учения, и к нам во двор зашел зачем-то боец. Он, не снимая фуражки с малиновым околышем, сидел на скамеечке, разговаривал со взрослыми мужчинами и курил, но не махорку, а еще папироску-гвоздик, «Звездочку» или «Бокс». И одной рукой он легко придерживал длинную красивую винтовку с почти совершенно синим, сужающимся кверху четырехгранным штыком.

А ощущение законной гордости тех, у кого отцы были военные. Командиры. Благоговейный взгляд на сумку, кобуру. Старший брат моего соседа был курсантом военно-морского училища. Я испытывал потрясение, когда он приезжал в отпуск и гулял с девушкой,— он был в черных клешах, с бляхой на ремне, в бескозырке с мерцающими золотыми буквами на ленточке. А потом курсанты шли в атаку, молча, зажав кончики лент в зубах, чтобы не сорвало встречным ветром или пулей.

И ведь не скажешь, что чувство обожания к армии нам прививалось. Это было в крови моего поколения. Ворошилов на коне, у коня белые чулки. Помните цокот копыт по брусчатке? Его слушала вся страна.

Где сейчас увидишь обычный воинский строй? На

параде, в военном городке, в гарнизоне? А прежде, до войны, он то и дело появлялся на улице, четкий, подтянутый, с песней. Лицо армии, ее голос. Он безотчетно притягивал к себе.

Изобрел это здорово кто-то,
Видно, крепко солдата любя, —
Чтоб ходила бы с песнею рота,
Веселила сама же себя.

Прочный сплав содержанья и формы,
Обладающий силой бойка,
Но в границах положенной нормы,
Предусмотренной нормы пайка.

Старой песни весомое слово —
Бой, раненье, дорога домой.
А солдатская служба сурова,
Даже праздник армейский — зимой.

Грозно песня звучит строевая,
Дружно рота поет ее вся,
От печалей себя прикрывая,
Будто щит над собою неся.

Существует выражение, которого вы не найдете ни в одном уставе и которое тем не менее известно всем служившим в армии и воспринимается ими почти как уставное: строй — святое место.

Но одно дело восхищаться, любоваться воинским строем со стороны и совсем другое — стоять в своей шеренге, в своем ряду, на своем месте, на своем номере. Вынести все на себе. Это трудно. Но, скажите мне, а где легко в жизни? Я имею в виду потребность чего-то достичь, добиться,— не в смысле бытового благополучия, а для дела, для других и для себя тоже, для души. Легких путей тут нет.

Но зато как прекрасен момент, когда ты ощущаешь себя своим в этой новой жизни, замечаешь красоту воинской службы, силу боевого товарищества. Без преувеличения можно сказать, что служба в армии — приобщение к народной жизни, к самой ее гуще, постижение разнообразнейшего опыта. Со мной в одном взводе служил парень из глубоких закамских лесов — Коля Кудряшов. Будучи призванным, он впервые увидел железную дорогу. Так вот, не только он у меня, но и я у него очень многому научился. Может быть, даже гораздо большему.

В истории нашей страны и наших Вооруженных Сил поколение, к которому я принадлежу, оказалось как бы посредине. Мы были детьми тех, кто прошел гражданскую. А наши сыновья призывались в начале семидесятых. Мы оказались посредине, наша юность или ранняя молодость совпали с годами Великой страшной войны. Его сильно повыбило, наше поколение.

Это правда, нас осталось мало.
Но еще и нынче нас не счесть.
Как нас ни крутило, ни ломало,
Но на свете все-таки мы есть.

Это правда, нас осталось мало —
По сравненью с силой той живой,
Что когда-то, молодая, встала
Над густою летнею травой...

И, может быть, в силу своей крайней молодости поразительную смелость выказывали мои товарищи, все прошли, что выпало на их долю. Я служил в воздушно-десантных войсках, и при тогдашней краткой, форсированной подготовке не каждый мог и умел преодолеть себя во время прыжков, даже заведомо храбрые, но они мучились, старались и добивались своего. Я вспоминаю всего лишь два случая отказа от прыжка заранее, то есть сознательной трусости.

Армия — это всегда молодость — я имею в виду действительную службу. Армия всегда молода по своему духу — я имею в виду и седых генералов. Я знал и знаю

высоких военачальников, которые прыгали с парашютом в мирное время в весьма почтенном возрасте. Но зато как это приближало их к солдату и солдата к ним.

В армии, как вряд ли в какой-либо другой сфере нашей жизни, исключительно отработана естественная передача традиций, опыта от одного поколения к другому. Это налажено ясно и четко. Но даже здесь редкостный случай — после всех послевоенных расформировок и переформировок сохранилась часть, где я служил, и более того — как удивительный знак преемственности — с тем же самым, старым номером полевой почты, по которому писали мне мои родители в конце войны. Более десяти лет назад я приехал в свою часть, в летние ее лагеря, где прошли последние месяцы моей службы, спал в маленьком домике вместе со старшиной-сверхсрочником (звания прапорщик еще не существовало) А. И. Мелиховым, которого хорошо помнил, и когда на рассвете сквозь сон услышал сигнал трубы, мне показалось, что я в пионерском лагере. Тоже не случайная ниточка нашей жизни.

Нельзя было не восхищаться моими новыми однополчанами, сегодняшними десантниками, молодыми, отлично тренированными, в меру самоуверенными, лихими ребятами. Все они знали и умели очень многое, в том числе такое, о чем мы не имели понятия. Однако и мы повидали кое-что. Но они были мне близки, они были моими младшими братьями или сыновьями. И меня они тоже принимали как своего.

Признаюсь: современные молодые люди, желающие под различными предлогами уклониться от воинской службы, избежать ее, вызывают у меня чувство разочарования в них, порою даже раздражения. Это относится и к их родителям. Вот отслужили сыновья моих друзей Б. Буркова, А. Клочкова, учатся, работают. Я еще не

встречал человека, которому воинская служба повредила бы.

При воспоминании и размышлении в зрелые годы не только о молодости — служба в армии оказывается одной из самых ярких, важных, значительных полос твоей жизни. Удивительна с годами настойчивая тяга человека к себе давнему, юному, к суровым и прекрасным временам и дорогам. Встречаются бывшие соученики, выпускники, но никто не встречается так, как люди, служившие вместе в армии, воевавшие вместе. Какой это не только не ослабевающей, но всевозрастающей остроты встречи! Ведь нас объединяют не просто вместе прожитые годы, но нечто гораздо большее.

9 мая 1977 года я поехал в Центральный парк культуры и отдыха на встречу ветеранов нашей части. По Крымскому мосту валом валила яркая толпа. Гремели оркестры. Тут и там пестрели щиты с надписями: «1-й Украинский фронт», «2-й Белорусский» и бессчетно — наименования армий, корпусов, дивизий. Рябило в глазах. Я с трудом протолкался к своим, не нашел бы, если бы место не было оговорено заранее. Вокруг нашего голубого щита с нарисованными парашютиками рядом со старыми десантниками стояли ребята — учащиеся ПТУ, над которым шефствует наш Совет ветеранов войны. Они тяготеют к этому виду войск, готовятся служить в ВДВ.

Председатель Совета ветеранов корпуса инженер Ф. И. Каменский, энтузиазму и энергии которого мы во многом обязаны тем, что встречаемся сейчас друг с другом, здороваясь, сказал:

— А тут один был из вашего полка. Зайцев Аркадий. Не знаете? У него фотографий целая пачка. И командира вашего снимок.

— Киреева? — Я и еще несколько человек заинтересовались. Но Зайцев этот куда-то подевался.

А вокруг бурлил и гудел праздничный парк. Снима-

ли кино. Не спрашивая фамилий, обращались к бывшим солдатам и офицерам, протягивали картонку с одними и теми же вопросами — о начале войны, о боевых товарищах, о дне Победы. И люди без подготовки прямо в камеру отвечали. Бурно, с криками, объятиями, хохотом встречались друзья. Не узнавали, потом ахали: «Ты?!» И стояли или бродили одинокие, молчаливые фигуры с табличками, с транспарантами: «Ищу однополчан!» — и номер части. «Ищу однополчан мужа» — номер части и маленькая солдатская фотография. Подошел молодой человек с женой, стал расспрашивать. Он искал однополчан отца. Многие были с детьми.

И тут объявился этот самый Зайцев. У него действительно оказалась фотография нашего командира, всеобщего любимца, «бати»,— полковника Сергея Николаевича Киреева, которого сейчас уже нет. Затем Зайцев начал перебирать остальные снимки, объясняя, кто на них изображен, а мы, сблизив головы, их рассматривали. И вдруг я увидел здорового статного парня, явно знакомого мне.

— А вот этого я знаю,— сказал я.

— Это я,— ответил он просто.

Выяснилось, что мы короткое время уже после войны даже были с ним в одной роте. Я узнал его только на старой фотографии.

А вокруг шумел праздничный парк, гремели оркестры, встречались, обнимались, смеялись и плакали старые люди, пришедшие сюда из далекой своей молодости наперекор всему — огню, времени, смерти. Они спасли эту землю — с ее городами и селами, полями и перелесками, реактивным грохотом над головой, с отдаленной, но такой близкой, перехватывающей горло, звонкой и грозной строевой песней среди снежной зимы.

РАССКАЗ О ПОТЕРЯННОМ ФОТОАЛЬБОМЕ

Речь пойдет не о семейной реликвии в плюшевом переплете, лежащей на тумбочке возле фикуса или на полочке под телевизором. Не о серых плотных страницах с двойными полукружьями надрезов, куда уголками вставляются фотографии. Не о самих этих трогательных снимках дедушек и теток, дружков-приятелей, которых иной раз никто уже и не помнит, тоненьких соучениц, свидетелей на свадьбах, шестимесячных младенцев, уверенно лежащих на животах. И, конечно, молодых людей в военной форме — т о г д а молодых! — а сейчас уже лишь профессионально наметанный глаз определит время съемки — по воротничкам и петлицам, по наличию или отсутствию на гимнастерках карманов или погон.

Нет, речь пойдет о другом. Да и сами эти любовно оформленные домашние фотоархивы, которые дают рассматривать гостям, пока не готова закуска, отходят в прошлое. Теперь время цветных слайдов. Теперь снимают слишком многие, никаких альбомов не хватит, фотографии, норовя свернуться в трубку, валяются в доме где попало, ворохом. Они словно перестают быть редкостью, документом.

Речь пойдет о фотоальбоме, который собирались напечатать и выпустить в свет в виде книги, даже в двух томах. В работе над ним меня пригласили участвовать Сергей Сергеевич Смирнов и Михаил Анатольевич Трахман.

Я долго колебался: был занят своим, а времени это должно было отнять много. В конце концов они меня убедили согласиться. Но ведь не уговорили бы, если бы самому не хотелось.

Это было в семьдесят втором году.

Сергея Сергеевича я знал более двадцати лет. Познакомился с ним в пятьдесят первом, вскоре после того, как он пришел в «Новый мир» заместителем к Твардовскому. Как раз в это время у меня печаталось там стихотворение «Мальчишка», я подписал верстку и уже попрощался, когда в уютной гостиной старой редакции заведующая отделом поэзии С. Г. Караганова вдруг остановила высокого стройного блондина и сказала:

— Сергей Сергеевич, вы интересовались, вот это и есть Ваншенкин...

Тот стал трясти мою руку, говорить, как ему нравятся стихи.

Когда он отошел, я полюбопытствовал — кто это. Она объяснила.

— Вместо Анатолия Кузьмича? — удивился я, имея в виду Тарасенкова.

Помню, она ответила:

— Вместе.

Мало кому известный в то время, недавно демобилизованный полковник через несколько лет стал популярнейшей в нашей стране личностью. Его поиски безвестных героев войны, восстановление доброго имени многих живых и павших, стремление к истине и справедливости нашли живейший отклик в душах миллионов.

Потом он редактировал «Литературную газету», до этого и после руководил Московской писательской организацией.

У меня всегда были с ним самые добрые отношения.

Момент нашего знакомства ему запомнился тоже. В 1959 году он подарил мне книгу «Герои Брестской крепости» с такой надписью: «Константину Яковлевичу Ваншенкину, автору любимого мною стихотворения «Мальчишка», дружески, от души. С. Смирнов».

Я еще, помню, подумал тогда: «И что он к этому моему «Мальчишке» прицепился!..»

С Михаилом Трахманом я почти не был знаком.

Он был известным фронтовым фотокорреспондентом. Прыгал с парашютом в тыл врага, долго жил у партизан, снимал их...

Что же должен был представлять собой этот альбом?

Он назывался «От Советского информбюро». Однако сводки шли только канвой, на полях, и — выборочно. Альбом делился на главы — как сама война. Вероломное нападение, все крупнейшие сражения, партизанская война, Ленинградская блокада, тыл — фронту, освобождение захваченных врагом областей и стран Восточной Европы и т. д.

Каждую главу и главку должна была открывать статья Смирнова, часто довольно большая, сугубо военного характера, с описанием плана и сути битвы, указанием участвующих частей и соединений — с обеих сторон. Смирнов серьезно изучал историю войны, был близко знаком и регулярно общался со многими нашими выдающимися военачальниками и был вполне готов к выполнению своей задачи.

Но главное и основное составляли, разумеется, снимки. Работы, понятно, не одного Трахмана — таких было относительно немного. Трахман являлся составителем, и он со знанием дела подобрал многие сотни фотографий, рисующих, отражающих, воссоздающих великую войну — и каждый ее день, и неожиданно выхваченные минуты. Прежде всего людей войны — их отвагу, их подвиг, их беду. Здесь были снимки и достаточно известные, и — в большинстве — виденные мною впервые. И обычные по сюжету (хотя Твардовский и говорит: «На войне сюжета нету». Но то на войне, а то на снимке), и совершенно потрясающие.

В чем же заключалась собственно моя задача?

Я должен был сделать краткие подписи к фотографиям, или, как официально их именовали: литературные миниатюры (в обиходе их называли ходовым и расплыв-

чатым словечком э с с е). Я должен был сделать двести таких подписей — то есть не ко всем снимкам, а по моему выбору, разумеется, не в стихах, хотя мог использовать и стихи — свои и чужие.

Трахман привез мне первую порцию фотографий — несколько объемистых папок. Он ездил на зеленых удлиненных «Жигулях», за опущенным боковым стеклом, изредка высовываясь, торчала морда умнейшего черного пуделя.

Я развязал тесемки первой папки, взятой наугад, и меня окатило войной, я задохнулся и тут же захлопнул папку, чтобы сохранить свое волнение.

Весной я поехал в Ялту. Знакомые удивлялись, почему у меня такой солидный багаж, не зная, что самый большой чемодан битком забит папками с военными фотографиями.

Я жил на горе, среди развивающейся крымской весны, среди поочередно расцветающих миндаля, абрикоса, каштана, глицинии... Внизу ярко синело море, к самой набережной швартовались белоснежные океанские суда, звучала музыка, и все это было прекрасно. Но я — без преувеличения — жил и здесь, и там, в своей молодости, в своей работе.

В этом же доме поселился тогда мой соавтор Сергей Сергеевич Смирнов. Он писал вступительные статьи к разделам альбома, его комната была завалена трудами по истории войны, мемуарами полководцев. Но время от времени он спускался ко мне, перебирал фотографии, заряжался ими. Заходили и другие знакомые, узнавшие, чем я занимаюсь, просили разрешения посмотреть, становились задумчивыми, вспоминали. Я объяснял, отвечал на вопросы. Я уже видел войну с разных сторон, из разных точек, я уже побывал на всех фронтах и направлениях, как в реальности разве что только Симонов. Я, рядовой участник войны, уже наблюдал весь ее разворот, всю панораму. Но особенно екало сердце,

когда я набредал на то, с чем встречался, где бывал сам.

Потом я сидел дома у Михаила Анатольевича Трахмана, в Москве, на Ленинградском проспекте, и разглядывал новые кипы фронтовых фотографий. Потом жил на Рижском взморье и опять развязывал папки с очередными фотографиями. И опять в одном доме со мной жил Сергей Сергеевич, и мы иногда пили с ним виски на его балконе под шелест залива и песка, под скрип сосен.

Издатели нас торопили, они хотели выпустить альбом к тридцатилетию Победы. Дело двигалось, но не так быстро, как того хотелось.

Свою часть работы я выполнил первым. Я был, конечно, тоже занят другими делами, но не в такой степени, как мои соавторы. Смирнов надолго уходил в дальнее морское плавание, часто включался в составы делегаций, отправляющихся за рубеж, или возглавлял их, занимался проблемами Московской писательской организации, имел множество официальных и общественных обязанностей и поручений. Трахман тоже бывал в частых разъездах, путешествовал с семьей и черным пуделем по странам Восточной Европы.

И потом то, что делал я, не требовало дополнительных уточнений, проверки. Их же работа была целиком построена на фактическом материале, она должна была быть тщательно изучена и утверждена соответствующими военными и научными консультантами, во избежание малейшей ошибки. Кое-что приходилось изменять и доделывать.

Короче говоря, как только издатели увидели, что не успевают к нужному сроку, они охладели к нам. Но заинтересовались другие, и в буквальном смысле чемодан с нашей работой был переправлен туда.

И тут заболел, как вскоре выяснилось, безнадежно, Сергей Сергеевич Смирнов. Он страшно изменился

внешне, похудел. Он еще интересовался делами, в том числе и судьбой нашей общей работы, но уже угасал стремительно. Его уход больно задел многих.

Сейчас его имя присвоено одной из улиц Бреста, читается на борту океанского корабля.

Смирнова не стало, но рукопись наша рассматривалась, продвигалась, когда от внезапного сердечного приступа скончался замечательный фронтовой фотокорреспондент, человек большой выдумки, энергии и обаяния Михаил Анатольевич Трахман.

Тем и окончилась наша совместная эпопея.

Через какое-то время, может быть и не очень скоро, я поинтересовался, каково положение с нашей рукописью, и мне сказали, что ее нет, она исчезла. То есть как исчезла? Да вот так, пропала, потерялась. Бывают и такие случаи.

Прошло несколько лет. Время от времени я с горечью вспоминал о своих соавторах и с удовольствием — о счастливых временах нашей совместной работы.

Я долго не мог найти среди своих бумаг экземпляр или хотя бы черновик тех своих литературных миниатюр. И вот они попались мне на глаза. Я стал читать их — заново, как не свое — и, к удивлению, обнаружил, что они могут существовать и отдельно, без фотографий.

Потому что в одних случаях изображение описывается, в других, что важнее, предполагается и представляется мысленному взору. Может быть, это не только комментарии к увиденному, но и само увиденное, прочувствованное и пережитое?

И еще необходимо сказать следующее. Здесь сохранен самый строй того нашего альбома, оставлены его внутренние подзаголовки. Возможно, порою они и суховаты, но зато помогают читателю сразу ориентироваться во времени и пространстве.

Итак...

Как на раскатанной школьной карте, мир представлял себе этот вертикальный простор — от Ледовитого океана до Черного моря, всю великую равнину, где, грудью встречая врага, истекая кровью, дерутся наши войска.

Такое геройство проявляли наши люди, и столько гибло их, как еще не бывало никогда.

Нет, мы не собирались уступать. Падали, тонули, горели огнем — и вновь вставали, тянулись к горлу врага.

Мои дорогие друзья, как я люблю вас, как я горжусь вами, как мне горько, что многих из вас уже нет.

Наши поля превратились в поля сражений, наши дороги стали дорогами войны.

Как от саранчи, ясным днем вдруг становилось темно от вражеских воздушных армад.

Цивилизованные варвары. Они мнили себя высшей расой. Прежде чем одни нажимали на спусковой крючок, другие успевали щелкнуть затворами фотокамер. Деловитые палачи-фотолюбители. Они думали, что эти снимки будут украшать их семейные альбомы.

Можно, глумясь, поставить на колени нескольких героев, но нельзя поставить на колени наш народ.

Многих, очень многих за живое задели тогда эти стихи К. Симонова:

...Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, — так ее любил, —
Чтобы немцы ее живьем
Взяли силой, зажав в углу;
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...
Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что Родиной мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь...

ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА

Трудно представить беду горше, чем беда Ленинграда.

Трудно отыскать в истории подвиг выше, чем подвиг его.

Немало стихов создано о Ленинграде времен блокады и беды. И так получилось, что лучшие стихи об этом написали поэты-женщины. Они острее почувствовали и передали всю боль родного города, весь ужас безмерных утрат. Стихи их были мужественны, они звали к упорству, к отмщению.

Вот стихи — одни из самых первых. Их автор — замечательная русская поэтесса Анна Ахматова.

Они так и называются — «Первый дальнобойный в Ленинграде».

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

Над Ленинградом явственно дохнуло ветром революции, Балтики, гражданской войны. Это ощущение было глубинным, неосознанным, но вполне реальным. Может быть, причина была в сочетании блистательной архитектуры города и матросских отрядов на его улицах, баррикад, вооруженных рабочих. Ведь все это было связано у нас с девятьсот семнадцатым, так он нам примерно и представлялся.

«Мы из Кронштадта»... «Человек с ружьем»...

...Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...

Как подходит эта песенка к сорок первому году!

КИЕВ

Далеко четкое воспоминание. Сорок первый. Начало сентября. Я еще не в армии, а учусь в школе. Правда, занятия не начались — одних посылают «на окопы», других — «на картошку», третьих — «на торф». А пока мы слушаем в заводском клубе лекцию о положении на фронтах. Лектор — женщина, из райкома.

Народу — битком: тоже женщины, молодежь, да и мужчин в возрасте немало, они не знают точно — когда, но вот-вот и им должна подойти очередь. Война впереди длинная. Слушают все, затаив дыхание.

Потом — вопросы.

— Как с Киевом?

— Удержим ли Киев?

Людям кажется, что, может быть, есть что-то, чего они не знают, п о к а не знают. А о н а знает.

Что она могла ответить?

— Я думаю, дорогие товарищи, что Киев мы не отдадим.

Ее слова тонут в счастливых аплодисментах.

...Далекое четкое воспоминание.

Этот замечательный город в золотых маковках, над Днепром, был первым нашим городом, подвергшимся длительной осаде и после этого все же сданным врагу.

Расположение города было не слишком удобным для обороны, силы слишком неравными.

Древний Киев... Вся страна пристально следила за его судьбой. Он держался более двух месяцев. В конце концов наши войска вынуждены были оставить его.

Это была особенно горькая и ощутимая потеря, потому что он успел заронить надежду в наши сердца.

И все-таки, если возможно столь долго удерживать город, может быть, можно его вообще не сдать?

ОБОРОНА ОДЕССЫ

Одесса... Один из городов — любимцев страны. Город, живущий морем, моряками. На его защиту встали жители, армия. На его защиту встал Черноморский

флот — всею мощью своих корабельных батарей, всей отвагой моряков, сошедших на сушу.

Флот, моряки, морская пехота... У кого из нас не замирало сладостно сердце от одних этих слов, от одного матросского вида. Черный бушлат, расклешенные брюки. Полосатый треугольник тельняшки на груди. Мерцающая золотом букв лента бескозырки.

Красива моряцкая форма. Но не потому ли так нравится нам она, так тревожит с самого детства, что мы знаем: за нею стоит сила, бесстрашие, дружба — в самых высших своих проявлениях! И таково могущество этой традиции, что человек, надевший флотскую форменку, как бы приобретает эти свойства, в нем пробуждается все лучшее и прежде всего — готовность к подвигу.

Красавец город с его бульварами, каштанами, людными улицами, шутками, яркой синевой моря. Такой мы представляем Одессу. Внизу порт. Знаменитая лестница. И сразу же в памяти — броненосец «Потемкин». Революционная Одесса. Ее рабочий класс.

Да, одесский рабочий класс — и когда враг стоял еще на дальних подступах, и когда защитники города были прижаты к морю — не покидал цехов и мастерских. Те, кто не ушел в народное ополчение, ремонтировали танки, строили бронепоезда здесь же, рядом, под боком у фронта. Не так ли вскоре будут трудиться под обстрелами и налетами противника пролетарии Тулы и Ленинграда.

К СМОЛЕНСКОМУ СРАЖЕНИЮ

Мы не видим лиц этих ребят. Их лица обращены туда, откуда сейчас должен показаться враг. Эти ребята всегда поворачивались именно в ту сторону.

Но мы знаем их лица. Мы знаем лицо поколения, бестрепетно встретившего чудовищной силы бронированный удар.

Кругом равнина... Влево, вправо
Ни кустика, ни деревца,
Лишь неба синяя отрава
И лишь дорога без конца,
Что сплошь воронками изрыта...
Да трое раненых солдат
По черным крыльям «мессершмитта»
Из трехлинеек ввысь палят.

На долю этого прекрасного, зеленого и холмистого, древнего города уже не один раз выпадало грудью встречать неприятеля, прикрывать собой дорогу на восток, на Москву. И сейчас яростное упорство наших войск на Смоленской земле позволило стянуть и переформировать силы, заслонить столицу. Именно здесь на глазах всего мира затрещал и начал разваливаться гитлеровский план молниеносной войны.

Жестокой ценой заплатил за это мужественный многострадальный народ.

НАЧАЛО ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ

Тем, кто пережил это, страшно об этом вспомнить. Тем, у кого была иная судьба, страшно представить себе, что это могло случиться и с ними.

Оккупация. Едва ли не самое ужасное, что могло выпасть в пору войны. Страшнее был только угон в Германию, плен, лагерь. Что может быть унизительней ощущения собственной зависимости, бессилия и бесправия на своей земле.

Война была долгой и тяжелой, но среди своих можно было вынести многие тяготы и боли куда проще.

И люди там, за чертой, в оккупации, сразу же захотели быть среди своих. Почувствовать в ладонях гладкий приклад карабина или автомата. Выйти из чащи на дорогу, подкараулить, обстрелять, уничтожить сильного, умелого, злого врага. Отомстить ему — за себя, за родных и любимых, за жестоко поруганную землю. Это было всеобщее чувство и дело. Это была наша партизанская война.

Затаившись, часами, да что часами — сутками! — лежать у опушки, вблизи строго охраняемой магистрали, наблюдать, замечать, прикидывать, считать гремящие на восток эшелоны. И вдруг, выбрав момент, решительно, рисково выброситься к полотну, заложить взрывчатку, поставить заряд и, откатившись, выждав, с замиранием сердца запалить шнур или включить «машинку» и своими глазами увидеть — сначала неестественной яркости вспышку, вздыбившиеся фермы моста, пошедшие с откоса, еще соединенные, давящие друг друга вагоны и сразу же своими ушами услышать дробную гулкую очередь взрывов.

Ради одного этого стоило родиться и жить на земле.

Фронт прокатился страшной волной, все более удаляясь, и наконец затих на востоке. Что там сейчас?

И вдруг снова — пальба и взрывы.

Партизаны... Не успевшие уйти с нашими частями или — реже — специально оставленные в тылу врага местные жители, знающие здесь каждую тропку и кустик. Люди самых разных возрастов, не пожелавшие просто ждать и надеяться. Попавшие в окружение, не сумевшие вырваться из железного кольца разрозненные стойкие подразделения или отдельные бойцы и командиры, уже пропавшие без вести для своих семей и воен-

коматов, но не пропавшие для России,— кадровики из приграничных округов. Они прошли сквозь огонь первых недель и представляли собой все более грозную силу.

Не к ним ли, своим землякам, воззвал А. Твардовский — воистину народный поэт!

...Эй, родная, Смоленская,
Сторона деревенская,
Эй, веселый народ,
Бей!
Наша берет!

Зоя...

Эта высокая девушка была москвичкой, школьницей, комсомолкой. Ей было восемнадцать лет. В октябре сорок первого она добровольно попросилась на фронт, который был рядом.

Под именем «Таня» ее переправили в тыл врага.

Ей не суждено было сделать многое.

Но ей суждено было стать символом. Символом верности, стойкости, готовности отдать жизнь за Родину.

Символом молодости, твердо принявшей страдания и мученическую смерть.

О ней сложены стихи и поэмы, книги и песни.

Она принадлежит к чистому и бескорыстному поколению, стойко встретившему войну и беду.

Ее образ поражает прежде всего глубокой серьезностью, внутренней силой убежденности. Она словно старше всех нас.

Им недостаточно было расстрелять, они вешали. Согнали людей — в воспитательных целях, чтобы неповадно было чтобы запомнили.

Люди и запомнили.

Посмотрите на предыдущий снимок. Они ведут Зою к месту казни. Идут — кто как, руки в карманах, это не строй, это банда. Взгляните на ухмыляющуюся довольную рожу в левом углу. А по бокам два палача, они не прячут лиц, как было принято когда-то у представителей этой профессии. Они не стыдятся того, что их можно будет узнать. Настигло ли их возмездие?

Виселица и эшафот сработаны по-немецки аккуратно. И стул приготовлен. А вот вид солдатской толпы бравым не назовешь. Они ежатся, топчутся, замерзли.

И с ужасом смотрят согнанные бабы и ребятишки, смотрят, чтобы запомнить навсегда.

А Зоя повернула голову и тоже смотрит — то ли с презрением на своего мучителя, то ли за его плечо — на белый простор, на далекий лес под хмурым зимним небом.

Отвратителен вид этих двух палачей из тыловой команды, их деловитость и самодовольство. У одного уже отморожены уши, и он прикрыл их круглыми наушниками. А другой ничего, притерпелся. Но все-таки зябко. Ничего, скоро они согреются в тепле, обменяются впечатлениями, хохоча, выпьют шнапса.

Они еще верят, что скоро будут заняты по специальности не в этой черной деревушке, а в огромной теплой Москве. Там их ожидает много работы.

Они еще не знают, что скоро покатятся по этим зимним просторам, но не к Москве, а назад, страшась оказаться в «котле», теряя технику, падая и вмерзая в снежный наст.

Они этого еще не знают. Они заняты своим делом. Они казнят поджигательницу. Они не знают и того, что стоят сейчас возле ее бессмертия.

Осенняя Москва сорок первого года. Пестрая листва Тверского бульвара, задумчивый Пушкин. И опускаемые на дневное время, неуклюжие на земле, аэростаты воздушного заграждения. Оклеенные крест-накрест наивными бумажными полосками оконные стекла, зашитые тесом, заложенные мешками с песком витрины магазинов. Осенние рощи, нарисованные на крышах заводских цехов и складов. Маскировка. А с наступлением темноты — светомаскировка, полный мрак, нарушаемый лишь всплывающими со дна голубыми столбами прожекторного света, беглыми вспышками зениток да по временам зловещим дрожащим заревом.

Стальные «ежи» и надолбы у окраин. Строгий вид патрулей.

С каждым днем Москва все более становилась прифронтовым городом.

Воздушные тревоги учащались, все большей становилась их продолжительность.

Гордость предвоенной столицы, предвоенной страны — Московский метрополитен стал огромным и надежным бомбоубежищем.

Но спросите у этих людей: и сюда, на глубину, заставляя сжиматься сердце, доносились порой глухие, далекие, но явственно тяжелые удары. Что там сейчас?

Эти люди пришли сюда основательно, на всю ночь, до первого света, до свежего утреннего голоса диктора: «Граждане! Опасность воздушного нападения миновала. Отбой!..»

Заметьте: здесь почти нет мужчин, только женщины и маленькие дети. Мужчины и мальчишки Москвы — там, наверху, наедине с тревожным осенним небом.

И еще заметьте: это станция метро «Маяковская». Именно здесь состоялось вскоре торжественное заседание, посвященное XXIV годовщине Октября.

Было сделано все, чтобы удержать Москву. Все беззаветные защитники ее, вся суровая страна твердо верили, что мы не отдадим свой главный город. Каждый был готов умереть за Москву, сердцем прикрыть столицу.

Но вот теперь, через много лет, я думаю: а что было бы, если бы враг все же вошел в город? Ведь его полчища стояли у самых ворот. Ведь его танки вырывались к самым Химкам. Конечно, мы бы не сдали Москву — каждый дом, каждый камень, каждое окно несли бы смерть врагу. Но если бы он все же ворвался в город?

Можно с уверенностью сказать: даже это не решило бы, да и не могло решить исхода войны в пользу фашистской Германии.

В русской истории бывали случаи, когда неприятель занимал нашу первопрестольную столицу. Последствия достаточно широко известны.

Нет, даже это не сломило бы нас.

Но мы защитили нашу Москву. Но мы отстояли нашу столицу.

Строительство оборонительных рубежей перед Москвой, на различных к ней подступах. То, что в народе называлось — «окопы».

— Где твой-то?

— На окопах.

Женщины и молодежь — из деревень, из школ, из институтов,— сколько кубов тяжелой земли выбросили их штыковые и совковые лопаты!

И все вдали от дома, в тревоге, в холоде, впроголодь.

Сооружение оторванных друг от друга укрепрайонов, рубежей, «линий», уверенность в их надежности и целесообразности — может быть, это еще оставалось от других войн и военных кампаний.

Помогли они приостановить врага, или танковые лавины Гудериана обтекли их и оставили бесполезно осыпаться у себя за спиной, все равно это была великая школа, и столько во всем этом было героизма, энтузиазма, надежды, веры, беззаветности!

Продолжаются спектакли в театрах Москвы. На улицах тьма, в любой миг действие может прерваться сигналом воздушной тревоги. Но звучит музыка, но публика х о д и т.

А снаружи прямо напротив колоннады Большого театра выставлен низвергнутый фашистский бомбардировщик «Юнкерс-88». Зрителям, заполнившим зал, и самим балеринам это прибавляет настроения.

Ноябрьский парад сорок первого года. Исторический парад. Отзвук этой поступи отозвался по всей стране. По всему миру. Мы не отказались от парада. Значит, мы сильны. Значит, Москва сильна. Он породил гордость в душе народа. Ведь мы любили наши парады. Цокот копыт — на всю страну. Это Ворошилов выезжает из Спасских ворот. Под ним конь темной масти, обязательно в белых «чулках»... Это было еще совсем недавно, но до этого дня было теперь необыкновенно далеко.

Ранняя зима. Ветер. Холодно. Опушенные ели. Снег на брусчатке. Четкий, строгий, но походный строй парада. Как просто и как символично: прямо с Красной площади — в бой!

Началось то, о чем мечтали с первых дней войны, чего ждали, во что верили. Верили, отходя на восток, вырываясь из окружений, оставляя один за другим населенные пункты, теряя дорогих товарищей. Верили, получая или перестав получать с фронта бесценные треугольнички писем, сутками, неделями не выключая радио в надежде услышать именно это известие.

Началось и развивалось н а ш е наступление.

Это было поистине зимнее наступление. Под забитыми снегом лапами елей и сосен, на слепящих глаза белых просторах России, в маскировочных халатах, по глубоким, пушистым, рыхлым или схваченным жестким настом снегам.

Это наступление запомнилось миру, а более всего тем, кто когда-нибудь лежал, окопавшись в снегу, кто безотказно поднимался под огнем в рост и, забрав под ремень полы шинели, проваливаясь по пояс, рвался вперед по белой целине, хватая морозный воздух раскрытым ртом, трудно дыша и привычно хрипя свое и общее: «Ура-а!..»

Авиация набирала силу и все более господствовала в воздухе. Этот процесс продолжался и в дальнейшем. Небо Родины стало свободным прежде, чем ее земля.

Артиллерия... Бог войны уже всерьез подал свой грозный голос...

Сладко сердцу, когда орудия на надежной огневой позиции, когда цел расчет, когда боекомплект в наличии.

Они мечтали об этом, на руках вытаскивая свою пушечку из грязи, разворачивая ее на прямую наводку, теряя товарищей.

Они дождались своего часа. Мощно откатывается ствол, и тяжелый снаряд, как плечом, раздвигая воздух, гулко проходит над самым лесом, чтобы накрыть далекую, невидимую для них цель. И, понятно, не один снаряд! Сотни тонн металла и взрывчатки одновременно обрушиваются на голову врага.

Даже здесь, на своем рубеже, у расчета как будто водой плотно залиты уши. А что же там, куда направлен этот удар!

Жестко и веско сказал об этом Твардовский:

...Пройдется плуг по их могилам,
Накроет память их пластом.
И будет мир отрадным тылом
Войны, потушенной огнем.

И, указав на земли эти
Внучатам нынешних ребят,
Учитель в школе скажет: — Дети,
Здесь немцы были век назад.

В тяжелейшие дни, в сентябре сорок первого года, было введено в наших Вооруженных Силах для особо отличившихся частей и соединений почетное звание гвардейских.

Новая, советская гвардия! Ее отличало особое упорство, боеспособность, отвага и, если хотите, лихость солдат и офицеров. И пополнения, регулярно вливавшиеся в гвардейские дивизии и полки, тоже становились гвардейскими и быстро приобретали все эти качества: звание обязывало.

Мне выпало счастье служить в гвардейской части. На всю жизнь запомнил я, как принимала наша часть гвардейское знамя, как, опустившись на колено, поцеловал край полотнища командир, как, тоже коленопреклоненно, произносили мы вслед за ним железные слова гвардейской клятвы.

А потом вдоль строя старшина нес в вытянутых руках раскрытый вещевой мешок с гвардейскими значками, и ротный вручал их каждому. На значке — по темно-красному знамени золотом было написано это прекрасное слово: «Гвардия».

«Товарищ гвардии полковник!», «Товарищ гвардии рядовой!» Как звучит! И мы испытывали волнение, гордость, потребность напомнить всем и всем доказать, что мы — гвардия!

Ты уже отбивал у врага линии обороны, окопы и траншеи, господствующие высоты и высотки.

Но ничто не может сравниться с чувством, которое ты испытал, врываясь в некий наш населенный пункт, что называется, на «плечах» противника, преследуя его, освобождая город, поселок или деревушку, освобождая л ю д е й.

Без этого нет солдата.

А названия эти ты запомнишь до конца и, если доведется дожить, всегда будешь упоминать их, рассказывая о былом своим близким, детям и внукам.

...Пусть даже ты героем был,
Но не гордись, — ты в день вступленья
Не благодарность заслужил
От них, а только лишь прощенье.

Ты только отдал страшный долг,
Который сделал в ту годину,
Когда твой отступивший полк
Их на год отдал на чужбину.

Ощущение, точно подмеченное и переданное Симоновым в одном из его малоизвестных стихотворений той поры.

Партбилет, пробитый в бою, залитый кровью... Нет, не музейный экспонат под стеклом. Человеческая судьба. Никулин Андрей Андреевич. 1911. В сорок первом ему было тридцать лет. Время вступления в партию — апрель... Но какого года? Именно сюда ударила пуля или впился осколок. Но, видимо, до войны... Да, вот внизу подтверждение — 1939. Партбилет выдан не райкомом, а политотделом дивизии. Значит, владелец его — кадровый военный. Он серьезно смотрит на нас, молодой еще человек с двумя «кубарями» на петлицах. Лейтенант. Военный человек с довоенного снимка.

Он смотрит сурово, пронзительным взглядом. Он словно что-то видит впереди. Что это: дым пожара, поднятая снарядом земля, собственная судьба или гибель товарищей?

Он непреклонно смотрит вперед, наш современник, сраженный в жестоком бою. Да, сраженный, потому что партийные и комсомольские билеты носили обычно в левом нагрудном кармане гимнастерки.

Партбилет, залитый кровью, пробитый в бою...
Реликвия, святыня Великой войны.
На него навечно лег отсвет Времени.

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Не забудем переживших блокаду Ленинграда.
Снимем шапки перед памятью погибших.
Слава живым!..

Говоря о подвиге Ленинграда в блокаде, вспомним прежде всего армию и флот, заслонивших собой город, не впустивших врага на его площади и проспекты.

На всех фронтах и направлениях, в открытой степи, в лесах и болотах беззаветно дрались наши части и соединения.

Вступали в бой с превосходящими силами противника, защищая до последнего или многократно пытаясь отбить назад никому не известную деревушку. Выказывали доблесть, не столь замечаемую тогда, как впоследствии,— в дни и годы нашего наступления. Но чудеса и образцы отваги проявлялись каждый день, повсюду, во множестве.

И все-таки усилия наших войск, их железное упорство еще удваивались, когда речь шла о таких святынях, как Москва и Ленинград.

С чувством величайшей ответственности, готовности выполнить свой долг до конца обороняли город Ленина, Пушкина и Петра наши Красная Армия и Краснознаменный Балтийский флот.

И снова стихи А. Ахматовой:

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

Это ленинградские дети — жертвы бомбежки и артиллерийского обстрела.

Дети Ленинграда... Те, кого не успели вывезти на Большую землю, те, кого е щ е не успели вывезти.

Те, искалеченные осколками бомб и снарядов, в бинтах, на костылях. И те, возле разбитой прямым попаданием школы, сгрудившиеся вокруг своей учительницы, с портфелишками в руках. И эти, на оборонном заводе, тоже — до слез — совершенные дети.

Дети Ленинграда... Граждане Ленинграда. Их глаза предельно серьезны. Они все видели смерть.

Продолжает занятия народное ополчение. На всякий случай. Если дойдет до штыкового боя, до рукопашной. Этот прием называется: «Коротким коли, на выпаде останься!..»

Еще стихи. Их автор — пронзительный бытописатель блокады — Ольга Берггольц. Ее взволнованный голос знали все ленинградцы — он каждый день звучал по городскому радио. И хотя она сама утверждает, что «слезы вымерзли у ленинградцев», ее стихи — это «плачи», с присущей им болью, своей понятной наивностью, но и с призывом к стойкости, с верой в победу. Вот отрывок из «Февральского дневника»:

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных...

Так с декабря кочуют горожане
за много верст, в густой туманной мгле,
в глуши слепых, обледенелых зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.
Седая полумаска на лице,
в руках бидончик — это суп на ужин, —
товарищи, мы в огненном кольце...

А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин!
Провозят ленинградца,
погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже недосчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала:
объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,
ко мне взывает братская могила
на охтенском, на правом берегу.

Главной бедой Ленинграда были не бомбежки и артналеты, пускай самые жестокие, не отсутствие электричества и тепла. Главной бедой его был страшнейший гость всех блокированных городов — голод. Не просто длительные перерывы между приемами пищи, когда потом вы можете легко это наверстать, не просто недоедание, нет,— постоянный, ежедневный, ежеминутный, мучительный, неутолимый голод, ощущаемый и сквозь сон. От голода человек слабеет, теряет силы и возможность двигаться. От голода распухают руки и ноги, кровоточат десны, выпадают зубы.

Вам, не испытавшим его, трудно представить себе, что это такое — голод. Особенно это относится к нашим детям — первому вполне сытому поколению двадцатого века.

В Ленинграде голод унес многие жизни.

Ленинградцы прошли сквозь это испытание с исключительной выдержкой и самообладанием.

Воздадим должное военным фотокорреспондентам, скромным и смелым людям, отснявшим, по сути, всю Великую войну. Им случалось летать на далекую бомбежку, прыгать с парашютом в тыл врага, чтобы запечатлеть боевую жизнь партизан. Они умудрялись крупно снять и наш передний край, и самую атаку, и самый миг солдатской гибели, и приближающегося противника, и зажженный снарядом танк, и разваливающийся в воздухе самолет. Они оставили нам великое множество достоверней ших сцен, психологических портретов людей войны. Спасибо им.

Я умышленно говорю о них именно сейчас, именно здесь. Всмотритесь в эти два объявления. В них наивная, неосуществимая мечта выменять на продукты довоенные, столь близкие и дорогие сердцу вещи. Ведь в тяготах блокадной жизни нужно было заметить два клочка бумаги на стене, нужно было не пожалеть драгоценной пленки, нужно было, наконец, попросту догадаться сфотографировать эти человеческие документы, сохранить их для потомков, для истории.

Вот она, Ладога. Единственная дорога, связывающая Ленинград со страной. По воде, а зимой по льду, под огнем, в темноте, с распахнутой дверцей кабинки, чтобы попытаться выскочить, если попадут или машина пойдет под лед. А весной — воды по ось, лед прогибается, вот-вот уйдешь с головой. Но впереди — Ленинград, и этим все сказано!

Ладога... Дорога жизни... Ленинград и вся страна низко кланяются тебе, твоим постам, твоим шоферам!

Сейчас на 103-м километре дороги Ленинград — Петрозаводск стоит памятник. На гранитном валуне высечено: «Неизвестному шоферу, отдавшему жизнь за Родину в Великой Отечественной войне».

И самый памятник — каменная полуторка над краем прервавшейся дороги. Остановится она или упадет? Светлые бетонные плиты дороги смонтированы на разных уровнях, под разным наклоном — не понять, шоссе ли это или ломающийся лед Ладоги.

Памятник сооружен на средства трудящихся Волховского района Ленинградской области.

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Традиционно героический город, уже показывавший врагу свой характер, свою лихость в бою.

По сути, отрезанный от своих, двести пятьдесят дней и ночей он держался в жесточайшей осаде.

Вот они, его защитники. Знаменитый снайпер, сощурясь, смотрит в оптический прицел, и два безвестных морячка в стеганых фуфайках, но в обязательных бескозырках — у старого станкового пулемета системы «максим». Они готовы встретить врага, они, собственно, его уже встречают. Защитники Севастополя, одни из многих, частица его силы и духа. Вы видите их и на других снимках — на бронепоезде, у корабельных орудий, на пустынном морском берегу. Их отвага не удивляет, от них иного и не ждешь.

Тогда, в сорок втором, у меня было ощущение: если оставили Севастополь — значит, удержать его было просто невозможно.

...А знаете, что это был последний город, который мы сдали после долгой осады?

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ

Повеет войною
От мирно сверкающих вод.
И над глубиною
Машины застопорят ход.

У Крыма под боком
Здесь гибли в волнах моряки...
В молчанье глубоком
За борт опускают венки.

В лучах этих летних
Венки принимает волна.
Мерцают на лентах
Былых кораблей имена.

Вот так же крепчала
Волна четверть века назад.
Вот так же качала
Она бескозырки ребят.

Севастополь — не просто морской город. Здесь была база Черноморского флота. И это бросало отсвет на весь город, на все его население — на женщин и на детей — и не только на членов семей командиров и краснофлотцев. Отсвет сдержанности, серьезности, силы. Город всегда ощущал свою близость к военно-морскому флоту, свою кровную связь с ним. Он проявил это наиболее явственно в грозную годину.

Одно из самых тяжелых испытаний на войне — увидеть, как падает наш подбитый самолет, как взрывается от прямого попадания наша самоходка, как горит и не может потушить пожар наш крейсер или катер. И не просто корабли горят, а свои, родные корабли, соседи, с которыми рядом не раз участвовали в учениях, на которых, может быть, служит не один дружок.

Горят наши боевые корабли после массированного воздушного налета, а ты бессилен им помочь.

Эвакуация... Это горькое слово вошло в нашу жизнь с самого начала войны. Эвакуировали фабрики и заводы, ценное оборудование, музейные экспонаты. Наспех, впопыхах, под бомбежкой... Эвакуировали мирное население — по возможности, организованно,— в первую очередь детей, детские учреждения, больницы. Люди уезжали и сами — кто как сумеет, кто когда успеет, они тоже назывались — эвакуированные. Там, на востоке, за Уралом, в Сибири, где не было даже затемнения.

Уходили пешком, весь скарб в заплечном мешке, с маленькими детьми на руках, иные ехали на телегах, подводах — беженцы, погорельцы. Не всем им удалось уйти, избежать неволи, смерти.

Транспорта не хватало нигде. При эвакуации людей из Москвы в Сибирь холодной уже осенью сорок первого использовались и вагоны столичного метрополитена.

Но вот вы видите эвакуацию. Эвакуация Севастополя. Люди грузятся на корабли. Это придает особую тревожность. Торчат на палубах стволы орудий. Враг может налететь в любую минуту, потопить, зажечь корабли еще у причала, уничтожить людей. А что их ожидает в открытом море, кто может поручиться за сохранность и благополучие этих судов? Сколько народу, как велика и пестра эта напряженная до предела толпа. Но как все четко, как отлажено! Ведут и несут детишек. Тащат чемоданы и узлы. Погрузка идет сразу по нескольким трапам. А вот моряки грузят раненых и больных. Скорее! С наступлением темноты нужно отваливать. Только это может обещать удачу.

Когда я смотрю на эти снимки, мне кажется, что над причалами нет шума, а стоит сдержанная, зловещая тишина. Эта сцена наполняет мое сердце горечью и гордостью.

ЛЕТО СОРОК ВТОРОГО

Беда заключалась и в том, что все это уже было.

А ведь мы уже стали привыкать к собственным победам, уже видели впереди освобождение родной земли.

И вдруг — снова — танковые лавины, мощно катящиеся на восток, прорывы, охваты, наше отчаянное сопротивление и отходы, отходы. Беженцы на полевых пыльных дорогах, горящие деревни, расправы, расстрелы. Отступление по открытым пространствам Украины и юга России, где нет глухих, порою спасительных лесов.

Враг рвался на восток. Мы не успевали закрывать бреши. Все словно повторялось с самого начала.

БОИ НА КАВКАЗЕ

Война шла второй год, а конца ей опять не было видно. Враг проник в глубину нашей страны столь далеко, что в это, казалось, невозможно было поверить. Но это было так. Он вышел к Волге и к подножию кавказских вершин, и напор его все не слабел. Он был очень силен, но все-таки в его броне было уязвимое место. Мы уже знали, что его можно бить, что он способен отступать, бежать в панике, оставляя своих убитых и технику.

Мы знали это на опыте прошедшего года.

Сейчас они защищают Кавказ, эти солдаты и матросы, со своими винтовками и автоматами, дегтяревскими пулеметами и бронебойками. А до этого они защищали Одессу и Севастополь, а быть может, и Москву. Война прочно укоренилась в их жизни и не уйдет из нее — до конца.

Столько хлебнули они бед, столько испытали горьких потерь, что их уже ничем не испугать и не сломить.

Если на пружину оказывать долгое и сильное воздействие, то она либо ломается, либо приобретает все большую ответную силу. Это — закон.

Цемесская бухта... Малая земля... Эти названия уже как бы сами собой вызывают в памяти и сознании грозные зимние ночи, гром черноморской волны, бесстрашие морского десанта.

Суровое нелегкое время. Сентябрь сорок второго. Бои под Туапсе. Однако жизнь продолжалась.

Молоденький красноармеец принят в партию, и бригадный комиссар Л. И. Брежнев вручает ему партийный билет, поздравляет, говорит слова напутствия. Боец только-только с передовой, положение на фронте напряженное, а самый фронт — рядом.

Но улыбки освещают лица этих людей, от которых веет спокойствием, уверенностью и силой. Они — уже сейчас победители.

Одно дело воевать на земле и совсем другое — на воде и в воздухе.

Там ты лежишь на привычной, теплой или даже промерзшей земле, родной земле, вырыв в ней надежный окоп или мелкую ячейку,— и земля защищает тебя. Поднимаешься, короткая перебежка, и вновь — пластом. А если ранит, то тебя, вдавливаясь в землю, постарается вытащить твой друг, лучший твой друг, подаренный тебе судьбой здесь, на войне. Или ты будешь лежать без сознания один много часов, и тебя в темноте найдет, подберет по стону или случайно девчушка-санинструктор.

А здесь — свист воды за бортом, соленые брызги

в лицо, провалы между волнами, черная пучина под килем. И цель, которую нужно атаковать, поразить любой ценою.

Ну, а накроют катер — все, амба, ранен, не ранен — не выплывешь. Сколько их, молодых и красивых, кануло в морских безднах.

Одно — воевать и умирать на земле, совсем другое — на воде и в воздухе. Не оттого ли на моряках и летчиках лежит тревожащий отблеск необычности.

Мрачные низкие тучи, косые лучи солнца, лежащий навзничь завоеватель, и черная птица смерти у него на груди.

Вот за этим он и пришел сюда. Далеко же занесло его от любимого фатерланда.

Они регулярно посылали домой фотографии, снимали и снимались на войне. Вряд ли бы он хотел, чтобы его родные получили этот последний снимок.

Как — порою через десятилетия — находит заслуженная награда старого солдата и он чуть сдержанно, с достоинством и гордостью принимает ее, так спустя время получили за свой высокий подвиг звания городов-героев Керчь и Новороссийск.

Народ встретил это известие с радостью и сочувствием, потому что железное мужество и пролитая за свободу кровь — не забываются.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Сталинград... Одно из величайших сражений в истории человечества.

Перелом в войне, поворот в судьбе каждого из нас.

Здесь, под волжским обрывом, находился штаб 62-й армии, командный пункт Чуйкова. От универмага, откуда с поднятыми руками, щурясь, вышел 31 января генерал-фельдмаршал Паулюс, до берега — считанные сотни метров. Думаю, что в современной войне немного наберется случаев, когда бы командующие противоборствующих сторон находились так близко друг от друга. Это и есть Сталинград.

А вот пополнение. Этих солдат только что переправили с левого берега отчаянные суденышки Волжской флотилии. Сейчас им объяснят обстановку и с ходу — в бой.

И они, и их командиры еще в старой форме, без погон. Пройдет совсем немного времени, но многое изменится. Будет введена новая форма одежды и прочие новшества. Да и война пойдет совсем другая.

Горящий, искореженный, заваленный фугасными бомбами город сопротивлялся ежеминутно, яростно.

Враг маневрировал, менял направление ударов, но это уже не могло обмануть — его готовы были встретить везде.

Эти несмотря на мороз раскаленные от пальбы зенитные стволы не раз переводились в горизонтальное положение, на прямую наводку по наземным целям — по танкам и самоходкам врага.

Никогда прежде не приходилось нам вести столь долгие и упорные городские, уличные бои. Да что уличные! Бой шел за каждый дом или за то, что осталось от дома, за каждый этаж, подвал, лестничную клетку. Среди проломленных перекрытий, исковерканной арматуры, перепутанных проводов и труб, битого кирпича, вырванных батарей парового отопления.

Бессистемное нагромождение развалин давало возможности для внезапного удара во фланг, для обстрела снизу и сверху. Каждое окно, дверной проем и пролом в стене превращались в бойницу и амбразуру.

Наши лучше и быстрей приноровились к новым условиям, враг слишком любил определенность, заранее заведенный порядок, и это мешало ему.

Не только невиданную стойкость проявляли защитники города, но уже в полной мере — воинское умение, быструю реакцию, сообразительность и выдумку.

А опыт городских боев не раз вспоминался и пригождался потом, в том числе и в самом Берлине.

...Откуда мы? Мы вышли из войны.
В дыму за нами стелется дорога.
Мы нынче как-то ближе быть должны,
Ведь нас осталось в мире так немного.

Шли по войне, шли по великой всей,
И в сорок первом шли, и в сорок третьем,
И после. И теряли мы друзей,
Не зная, что таких уже не встретим.

Но навсегда нам памятью дано
Их видеть сквозь разрывы, в отдаленье.
Мои друзья, которых нет давно,
Они и нынче — наше поколенье.

Все в жизни с ними было пополам,
Мы все — одно! И нет прочнее сплава.
И с песнею далекой по полям —
Прислушайся! — проходит наша слава.

Взят наконец Мамаев курган. Сколько же полегло здесь наших солдат! И опытных уже «старичков»,— а «старичками» считали и называли тридцатилетних,— и пожилых, и молодых командиров, а более всего совсем юных беззаветных ребят, еще ничего не видевших и не испытавших, кого ждали и не дождались — не жены и дети, и даже не невесты, а бедные их матери. И чем моложе были эти ребята, тем больше их полегло. Они сделали в своей жизни одно — погибли за Родину.

Флаг Победы над освобожденным городом. Собственно, города нет, одни развалины. Но он был, и он будет. Значит, он есть. Город, откуда началась наша победа.

Флаг над освобожденным родным городом. Сколько раз он будет расправлять свою красную ткань, хлопать, биться на ветру. Сколько таких флагов будет поднято над нашими городами. Повыше, чтобы было видно всем и отовсюду, водрузят их наиболее ловкие и отважные ребята — чаще всего разведчики. Это их дело. Еще стрельба не стихла, а ты уже видишь наш флаг в дымном небе. Над освобожденным городом. А потом уже и над взятыми городами врага. Над кирхой, над ратушей и наконец — над рейхстагом.

Отгремела Сталинградская битва.

Впереди было еще более двух лет войны, но всему миру стало ясно: теперь им конец, они обречены, им уже не вывернуться.

В ПАРТИЗАНСКОМ КРАЮ

Закалилась, увеличилась партизанская сила. Все более ощущал это враг. Дерзкие и мощные нападения на тыловые гарнизоны, взрывы мостов и складов, эшелоны, пущенные под откос, убийство крупных фашистских чинов, зверствовавших на оккупированной земле,— не пе-

речислить все славные деяния партизан и подпольщиков.

Но трудна была их жизнь. В сырости, в холоде, порой неделями без огня. Многокилометровые переходы густой чащобой, по зыбким гатям через коварные болота — и все с оружием, даже с артиллерией, часто в худой одежде и обуви.

Вооружение и боеприпасы нужно было отбивать у врага, работать, держа автомат под рукой, жить впроголодь, спать вполглаза.

На оккупированной территории, в партизанском краю. Прием в партию. Принимают человека пожилого — участника, наверное, еще первой мировой да и гражданской войны. Вон как он ловко и непринужденно держит карабин в руке. Среди собравшихся здесь несколько кадровых командиров. А у женщины в белой косынке и у сидящего сзади нее — ордена Красной Звезды, тогда, до сорок третьего, их еще носили слева.

Комиссар говорит какие-то душевные слова. Это заметно по лицам людей, таким задумчивым, добрым, размягченным. Таким мирным лицам.

А впереди еще война и война, кругом враг, и ожидают их многие горести и утраты.

Расправы, виселицы, экзекуции. Оккупанты не церемонились с мирным населением и, утратив человеческий облик, не считали людей за людей.

Едва ли не самое страшное, что широко ввели они на захваченных территориях,— угон в Германию, как скот, на самые тяжелые работы, в неволю, в услужение. Разлука с дорогими до слез родными местами, с близкими, чудом успевшими скрыться людьми, разлука — надолго ли? Может быть, навсегда.

На железнодорожной станции Киев (вот и вывеска немецкая висит) загоняют женщин в товарные вагоны, в телятники, потом с грохотом закроется дверь, лязгнет железный засов, снова зазвучит чужая властная речь — проверяют, все ли в порядке. А в сердце еще надежда: вдруг отменят, вдруг выпустят. Она ни на чем не основана, эта надежда,— просто слишком уж дико и несправедливо то, что с ними делают. Но закричит паровоз, застучат колеса, поплывут в вагонных узких щелях поля и хаты, и повезет их проклятый поезд на чужбину, все дальше от родимых мест.

Не так-то просто это забыть.

Великим делом для партизан были сброшенные с прошедшего над хвойными вершинами родного красно-звездного самолета не только продукты, медикаменты или запчасти к технике, но газеты, центральные, московские газеты, голос с Большой земли. Большой землей называли тогда партизаны всю свободную страну, всю землю, лежащую к востоку от линии фронта. С каждым днем эта Большая земля становилась все больше — наша армия наступала.

Одну из самых больших трудностей представляло устройство и расположение партизанских госпиталей.

Раненные на фронте, особенно в своей линии обороны, или подобранные на поле боя при наступлении попадали заведенным порядком в медсанбаты и в зависимости от ранения в прифронтовые или далекие тыловые госпитали.

А здесь, в тылу врага, при обычно большой подвижности отряда, их опасно и невозможно было возить за собой. Госпитали оборудовались в самой глухомани, куда, можно было надеяться, не доберется враг. Но случа-

лось, и добирался. А если и нет, то отсутствие настоящего стационара, норм стерильности, нехватка необходимого количества и выбора медикаментов, перевязочных материалов, инструментария, наконец, квалифицированного персонала — все это создавало немыслимые сложности. Иногда удавалось перебрасывать раненых санитарным самолетом на Большую землю, к своим, но все-таки слишком редко и, конечно, не всех.

Вот переводят куда-то партизанский госпиталь. Может быть, близко подошли каратели, и находиться здесь небезопасно. А может быть, отряд перебазировался слишком далеко. Раненых переправляют через речку на лодке или плоту. Парень, поджав замотанную ногу, с трудом прыгает на самодельных березовых костылях.

А вот на другом снимке рядом с бойцами спит на земле девушка-медсестра. Возле нее винтовка и санитарная сумка с красным крестом. Девушка лишь на миг приклонила голову, покрытую платком, и тут же не выдержала, заснула, подложив под щеку ладонь. Кто-то заботливо набросил на нее, спящую, полушубок. Торчат стволы винтовок, пасутся поодаль распряженные или расседланные лошади. Спит партизанская сестра, и мы видим, какое у нее усталое, измученное лицо.

...И охранял колонну пленных
Немногочисленный конвой.

В этих строках Твардовского уверенность, сила, презрительная усмешка. «Немногочисленный!» Многочисленного уже не требуется. Ведь война повернула на другой ход.

союзники

Эхо нашего наступления как взрывная волна гулко прокатилось по Европе. Успехи наших фронтов дали веру и новые силы освободительному движению многих

стран. Вспышки взрывов и зарева пожаров все чаще прорезали холодный мрак европейских ночей. И все ожесточеннее был фашистский террор. Замечательных народных вожаков, цвет и гордость народов ряда стран, зверски замучило гестапо в последние годы войны. Это была философия фашизма на практике: уничтожение всего лучшего, светлого, человечного. На территории Европы разместились чудовищные концлагеря, крупнейшие фабрики по уничтожению людей. Страшно подумать, но эта промышленность работала на полную мощность.

Широко охватила планету вторая мировая война. Заснеженный Сталинград и раскаленные пески Африки.

Успешное наступление союзников в Африке с последующей высадкой на Сицилию и в Италию не могло заменить нам второго фронта. Это было все-таки нечто другое. Я хорошо помню наше доверчивое и несколько наивное ожидание высадки англо-американских сил во Франции через Ла-Манш, с созданием угрозы непосредственно территории Германии, как, собственно, потом оно и получилось. Только очень уж не скоро, когда исход войны и без того был решен окончательно, а Победа хорошо видна сквозь дым разрывов. Оттягивания и задержки с открытием второго фронта стоили нам слишком дорого. Мы с благодарностью думаем о каждом, кто не только сочувствовал нам, но звал к сотрудничеству и быстрейшей помощи.

А в Африке дела у союзников шли хорошо, они имели там большое превосходство. Роммель отступал, союзники шли вперед и, наверное, вспоминали Киплинга:

День-ночь, день-ночь мы идем по Африке,
День-ночь, день-ночь все по той же Африке...

Внезапное и решительное нападение Японии на американскую военно-морскую базу Пирл-Харбор на Гавайских островах потрясло Соединенные Штаты. И хотя это было далеко от ее родных берегов, Америка со всей беспощадностью ощутила, что это такое — война.

Война гремела не только на земле и в воздухе, но и во всем Мировом океане. В Атлантике рыскали германские подводные лодки, подкарауливая союзные корабли. В Тихом океане японские летчики-смертники — камикадзе,— выпив перед вылетом чашку сакэ, на самолетах, заправленных горючим только в один конец — до цели,— яростно атаковали американские транспорты и авианосцы, прорываясь к ним сквозь стену огня, чтобы наверняка выпустить смертоносную торпеду.

А вот подорвался на мине транспортный корабль «Президент Кулидж». Как туловище гигантского морского чудовища, облепили его корпус спускающиеся по веревочным трапам надеющиеся на спасение люди.

На другом снимке — американский пикирующий бомбардировщик удачно атаковал японское судно.

Не по поводу неудач в Северной Африке, а в связи с уничтожением под Сталинградом 6-й немецкой армии объявил фюрер в Германии трехдневный траур.

Мы не видели этого театра войны и всякий раз снова с интересом смотрим теперь на внушительные английские танки, на огневые позиции среди африканских песков, на корабли союзников в Средиземном море, на американцев, удачливо высадившихся в Сицилии. Так мы себе примерно это и представляли. Эта война была далеко от нас.

И еще мы смотрим на тех, с кем рядом прошли когда-то выданный судьбой путь, на кровных друзей и совсем незнакомых ребят — моряков с Малой земли, прославленных летчиков, на всех рядовых и командиров Великой войны, столь близких и дорогих нашему сердцу.

НАШ ТЫЛ — ФРОНТУ

Шла кровопролитная война, многие наши районы были под врагом. А к востоку от линии фронта лежала страна, с заводами, где работали женщины и подростки, с селами, где тоже тянули бабы, с госпиталями, пересыльными пунктами, военкоматами, проводившими свои призывы, с просторами, реками, горами и тайгой. Со светящимися окнами, не знающими затемнения,— на тысячи верст! И на ее пространствах ждали писем с фронта, воспитывали детей, сажали картошку, стояли в очередях. И работали, работали, работали.

А молодежь еще и гуляла — танцевала под гармонь или радиолу. Ребята ожидали своей очереди — с каждым годом брали все более молодых. Армия не старела.

«Фронт горел, не стихая, как на теле рубец»,— сказал поэт. И этому фронту, этим бессонным фронтам, многое было нужно: вооружение, боеприпасы, медикаменты, одежда, продукты питания. С нечеловеческим напряжением работала страна. На авиационных, танковых и прочих оборонных заводах работали, конечно, и мужчины, специалисты, которым была дана бронь, бумажная, но вполне прочная. Они были нужнее в тылу. Но большинство мужчин города и особенно деревни заменили их жены, сестры, дочери.

Ощущение кровной причастности к общему делу, всеобщая пристальная любовь к армии, дерущейся с врагом,— это было характерно для людей тыла. А как же могло быть иначе?

Растили и убирали урожай, возводили стены корпусов, пускали поточные линии в тяжелейших условиях эвакуации — с колес, в дожди, в лютую стужу. В рекордные сроки осваивали выпуск техники и вооружения новых типов и марок. Наша армия получила боевые машины, по основным параметрам превосходящие соответственные системы врага.

Многие тысячи посылок направлялись на фронт из восточных районов страны. Чего только не было в них — и сибирские пельмени, и кедровые орешки, и теплое белье, и расшитые кисеты и платочки. А сверху, под крышкой, обязательно теплое душевное письмецо. Все более входила в обычай, распространялась оживленная переписка между фронтом и тылом, между прежде незнакомыми людьми, между девушками и солдатами, достигшая особенно большого размаха к концу войны. Жаль, что нередко вдруг приходили с фронта письма, начертанные незнакомой рукой и сообщавшие, что адресат выбыл бессрочно. А другие продолжали переписываться вполне благополучно, до конца войны, и некоторые встречались потом и даже всерьез связали свои судьбы. Одна из деталей времени.

Многообразные усилия партии по укреплению нашего тыла, по увеличению и наращиванию его экономического потенциала увенчались полным успехом. Изменилась война, изменился и тыл. Все возрастали требования фронтов — что же, они имели на это право: они наступали.

Страна жила под государственным лозунгом «Все для фронта!» и с незатихающей мыслью: «На фронте еще труднее». Да, очень долгими были тяготы войны. И укоренилась в людях устойчивая привычка к трудностям, к бедам, к недоеданию и недосыпу, к разлукам и потерям. Но она была возможна, эта привычка, только потому, что возникла уже иная, новая — привычка к успехам армии, к наступлению, к победам.

Фронтам нужно было очень и очень многое, и в первую очередь — люди. Действующая армия получала все. Получала она и пополнения. Война была иной, победной, но ведь она продолжалась, и ежедневно, ежечасно гибли люди, и похоронки шли сплошным потоком. И работали, тянули, не жалея себя, женщины без мужчин, и молодежь, еще не создавшая собственные семьи. Многим это так и не удалось.

Война катилась на запад, гремели салюты, все более освобождалось наших районов, все более требовалось трудов по их восстановлению.

А война все продолжалась и продолжалась, и не стихала в сердцах тревога за близких, дорогих, воюющих где-то вдали.

КУРСКАЯ БИТВА

Знаменитая фотография — «Политрук», обошедшая страницы мировой печати через много лет после войны. Вот она, наша стойкость.

Верно говорят, что характер моего поколения был сформирован армией военной поры. Но мы были подготовлены к этому еще всем детством, всем воспитанием, всеми прекрасными традициями революции и гражданской войны, перешедшими к нам от старших.

Раненые. Они лежат не в госпитальной палате, а в брезентовой палатке медсанбата. В ходе такого сражения они поступают беспрерывным потоком. Истомленная бессонницей сестра и боец, измученный болью.

Сражение на Курской дуге — неслыханное по своему размаху, упорству, концентрации живой силы и техники.

Сколько сразу горело и взрывалось танков, сколько было выпущено мин и снарядов, сколько поднято в небо черной земли.

Подбитые танки врага, «разутые», как говорят танкисты, то есть потерявшие гусеницы, искореженные до основания, перевернутые вверх днищем. Какая же здесь прошлась сила!

Враг увязал в нашей обороне, несмотря на новейшие «тигры», «пантеры», «фердинанды». Не возымели действия и их претенциозные названия, столь несвойственные нашему характеру, нашему духу. У нас просто — «Т-34», в обиходе — «тридцатьчетверка», и это наименование ничуть не повредило популярности нашей боевой машины.

Еще долго оставались на полях Орловщины и Курщины разбитые танки и самоходки, не так-то просто было собрать и вывезти эти махины. На них, играя, взбирались ребятишки, их аккуратно опахивали весной на колхозных лошадках или эмтээсовских тракторах, и они чернели потом среди качающейся пшеницы.

Это был именно тот момент войны, когда вся наша авиация — бомбардировочная, штурмовая и истребительная — получила над противником неоспоримое превосходство.

Вы видите бомбежку вражеских укреплений, прицельное бомбометание. Но если противник, готовый к воздушному налету, может встретить самолеты зенитным огнем, то танки бессильны против штурмовой авиации. В грандиозном танковом сражении на Курской дуге немалую роль сыграли наши Илы.

Готовясь к битве, — в твердой вере,
Что будет выиграна она, —
В штабах планируют потери, —
На то реальная война.

Порядка роты, батальона,
Дивизии или полка.
И разве только поименно
Не называют нас пока.

Хочется сказать о великих тружениках войны — о наших саперах. Вот один из них режет ножницами колючую проволоку, делает проход в заграждении врага. Впереди уже никого — только противник. Но без этого тоже нельзя — нужно подготовить путь для нашей пехоты или разведки.

Да разве только это! Сколько наведено мостов, переправ —это саперы. Сколько взорвано мостов — это они. Сколько отрыто ими глубоких укрытий и блиндажей. Сколько расставлено мин и минных полей и сколько обезврежено. Да каких мин — хитрых, с секретом, с обманом. Сколько видели вы этих надписей в разбитых, освобожденных городах: «Проверено. Мин нет» — и подпись: «Сержант такой-то». Иногда эти добрые свидетельства безопасности были видны на стенах еще долгие годы. Жаль, что их стерли.

При наступлении сапер — впереди, при отходе — он последний. И в довершение ко всему гласит фронтовая мудрость, что ошибается сапер в жизни только раз.

Освобождение. Освободители. Их встречают эти истомившиеся люди, эти босые дети, эти плачущие женщины. Слезы их —долгожданные слезы радости, и нескрываемые слезы пережитой боли, и горестные слезы по тем, кому, освобождая родную землю, еще предстоит в нее лечь.

А на первом снимке — семья. Правда, нет ее главы, и жив ли он — кто знает? Но идут полем мать и шестеро

маленьких ребятишек. Сейчас это уже не беженцы. Они не бегут от врага. Они возвращаются в родные места. Уцелела ли их деревня, их дом — неизвестно. Но куда важней, что уцелели они сами.

Вручение боевых наград. Вблизи переднего края, в момент затишья, но в разгар великого сражения.

Чем успешнее двигался фронт на запад, тем больше награждалось бойцов и командиров. Нет, в начале войны отважных было не меньше, но теперь все ощутимей были результаты их героизма.

Они получили награды, и теперь сами прикрепляют их друг другу. Вот два молодых офицера, один — лейтенант, другой, наверное, младший лейтенант, но звездочки у него на погоне нет, только просвет — потерялась, быть может, поддетая ремешком полевой сумки, и нигде не достанешь; военторг далеко. Он прилаживает орден на грудь товарища, а тот в ответ уже развинчивает его орден. А вот старшему лейтенанту помогает укрепить орден, тоже Красной Звезды, совсем молоденький солдатик, должно быть, его ординарец— вон у него даже ножницы в руке.

Они заняты делом. Лица их слегка задумчивы. Можно понять этих ребят, они представляют себе, как с наградой вернутся домой.

Времени — в обрез. Сейчас прозвучит команда — разойтись по своим подразделениям.

Любопытный снимок. Два наших офицера, чуть посмеиваясь, смотрят на аккуратный по-немецки указатель. До Берлина 1952 километра. По железной дороге — вот и фанерный паровозик с белым дымом наверху. Далеко. А если еще пешком, да под огнем, да короткими перебежками, да по-пластунски! Далеко. Но

дойти можно. Мало того — дойдем, в этом нет ни малейших сомнений.

Шелестит подлесок. Сапоги тонут в траве. До Берлина — точно — 1952 километра. А по времени — приблизительно — один год десять месяцев войны.

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА И КИЕВ

Геройский бой безвестного артиллерийского расчета. И артиллерийский салют из сотен стволов — во славу наших войск, в честь освобождения еще одного крупного города, в знак еще одной победы. Ликующий и грозный салют Москвы.

Прошли те времена, когда в полном мраке, клубясь, всплывали над столицей голубые столбы прожекторного света, стараясь захватить в свое поле черный чужой самолет и не выпускать, передавать друг другу, чтобы он не успел вырваться, уйти во тьму от скорострельного огня зенитных батарей.

Наступила иная пора. Прожектористы выкладывают в небе причудливый качающийся узор, ярко озаряется Москва от вспышек и ракет салюта. Улицы и площади заполнены радостной толпой.

Столица салютовала все чаще. И слушая новое сообщение, новый приказ, люди уже обращали внимание на то, сколько будет залпов, из какого числа орудий,— сравнивали и определяли значимость той или иной операции, битвы, победы.

Бои шли упорные, кровопролитные. И все-таки это была уже другая война. Это была война побеждающего народа.

Хочется обратить внимание на спокойную уверенность всех этих людей.

Вот два морячка залегли на железнодорожных пу-

тях, ведут огонь из-под вагона. Один установил сошки ПТР системы Дегтярева прямо между рельсов, а патроны положил рядом, под рукой, на шпале. Другой бьет из автомата. Впрочем, это не моряки. Они были моряками. Потом их переформировали в пехоту или влили в пехотную часть. На них сугубо армейские гимнастерки и шаровары. И все-таки это моряки. Не только потому, что они сохранили и продолжают упорно носить свои черные бескозырки. Они сохранили нечто большее — верность морским традициям, бесстрашие и беззаветность. А бескозырками и тельняшками они лишь напоминают себе самим и всем остальным, что это в них неистребимо.

А вот в лесу — замаскированный выход из блиндажа политотдела. Офицер диктует что-то машинистке. Что это: приказ, представление к награде, заметка для газеты?

Сушатся шинели. Идет война. Как все буднично и просто.

И наконец — чтение вслух газеты. Судя по всему, это разведчики. Лихие ребята в плащ-палатках и маскхалатах, с автоматами в руках. Пилотки у всех надеты с принятым фронтовым шиком, набочок, из-под них выбиваются чубчики. Это вообще-то не положено, но все же допускается — такие ребята! Они сели в кружок на поляне, слушают. А впереди полулежит один из их командиров. Какое у него задумчивое, печальное, строгое лицо. Отчего? — этого мы никогда не узнаем.

...Да, все эти люди спокойны и уверены — в себе, в своих товарищах, в исходе войны.

Армия уже привыкла освобождать города и деревни, но каждый раз это глубоко волновало нас заново. А какое же волнение испытывали те, кого мы освобождали,— ведь у них это событие бывало только один раз.

И, как это случается даже у самых близких людей при встрече после долгой разлуки,— и тех, и других порой охватывала некоторая смущенность и скованность. Помню, в сентябре сорок третьего в разбитом Донбассе женщины смотрели на нас чуть-чуть удивленно: мы были в непривычной для них, новой — с погонами — форме. С орденами и медалями было у нас не так уж и густо, но часть была гвардейская, и у каждого солдатика сиял на груди яркий, красивый, отдаленно похожий на орден Красного Знамени гвардейский знак. Это тоже вносило краткое замешательство — ко всему этому нужно было привыкнуть.

Но то и дело повсюду возникали ситуации, мгновенно возвращающие к прежнему, милому, довоенному. Взять хотя бы выход первой нашей газеты в освобожденном городе.

Одна из особенностей и черт нашего характера, нашего поколения, нашей армии — нежелание и отказ покидать поле боя после ранения. Оттаскивали, отволакивали в сторону, в ложбину, в траншею, в укрытие. Разрывали зубами индивидуальный пакет, затягивали ослепительным стерильным бинтом руку, ногу или голову. А он рвался назад, под огонь, и возвращался, если была такая возможность, если мог еще видеть врага, держать оружие, хотя бы нажимать пальцем на спусковой крючок.

И те, что попадали в медсанбаты и госпитали и поправлялись там, тоже рвались назад, на фронт, мечтая и стараясь возвратиться в свою дивизию, свой полк, свою роту.

Все более становилось в армии людей с пестреющими на гимнастерках красными и желтыми нашивками — за легкие и тяжелые ранения.

За холодной осенней водой, за великой рекой, на высоком берегу вот он, почти рядом,— ожидающий, исстрадавшийся Киев.

Разрушенные дома, взорванные соборы, трупы замученных, запустение, тлен — вот что они после себя оставляли. И еще — стремление вытравить наши привычные названия, дорогие для народа имена. Площадь Ивана Франко они поторопились переделать в плац фон Шлейфер. Площадь носила это чужое клеймо целых два года.

Знаете, что это за улица, по которой идут наши танки? Улица из пустых коробок на фоне неба, похожих на какие-то зловещие макеты, декорации. Это Крещатик в ноябре 1943 года.

А вот девушка-регулировщица.

Мы воздаем должное женщинам, заменившим своих мужей, братьев и отцов у станка и в поле. Мы восхищаемся их выдержкой и долготерпением.

Но есть еще и другие женщины, достойные поклонения. Женщины — непосредственные участницы Великой войны. Летчицы, снайперы, зенитчицы, связистки и, конечно, более всего — санинструкторы, медицинские сестры, врачи. Как же им всем бывало трудно на войне!

И вот еще — девушка с винтовкой за плечами, с флажками в руках, с буквой «Р» на нарукавной повязке. Регулировщица. На городских площадях это куда ни шло, а вот попробуйте на фронтовых развилках, у переправ, где то и дело возникают заторы, пробки, где навести порядок ох как нелегко. Да еще налетают вражеские самолеты. А с поста не отлучишься, нужно показывать направление, объяснять, командовать. Все дальше и дальше на запад уходят фронты, и стоят уже наши

регулировщицы в кирзовых сапогах на перекрестках Европы, возле средневековых костелов, на поворотах полевых и шоссейных дорог, рядом с распятиями и мадоннами. Притормозит на миг лихой фронтовой шофер, уточнить маршрут или просто так — мимолетно завести бесцельное знакомство, подмигнет — и дальше, а следом — танки, орудия, лица, лица, войска, войска...

Низко поклонимся женщинам — участницам войны, нашим боевым подругам. Вспомним также, что почти все они пришли в армию добровольно.

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Свершилось! Железное кольцо блокады разорвано, враг отброшен. Восстановилось сообщение Ленинграда со страной.

И страна вздохнула с глубочайшим облегчением и радостью, как вздыхают, когда выживает любимый человек, родная душа. Потому что беда Ленинграда была одной из главных наших бед, мы не забывали о ней в самые тяжелые минуты.

Чудом сохранившийся Ленинский мемориал в Разливе. Ленинский шалаш.

Хочется приостановиться, замереть на миг, отдать этим местам воинские почести. Подумать о своей земле, о себе, о своих товарищах. Представить мысленно и уже пройденные, и лежащие впереди годы и версты войны.

Даже после снятия блокады враг в течение года свободно доставал до города огнем дальнобойных батарей. От жестоких обстрелов погибло немало славных жителей уже освобожденного Ленинграда. Но вот и это

позади. Закрашиваются, стираются со стен будничные призывы, полные суровости и тревоги. Правда, одна такая надпись как волнующее напоминание о тех днях навечно сохранена на Невском проспекте...

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

Привычные картины войны. Разбитая техника врага. Наши танки на марше. И вдруг — что это?

Великий вольнолюбивый кобзарь за колючей проволокой. Это Канев, памятник Тарасу Шевченко над его могилой. Фашисты устроили здесь концлагерь для наших людей.

Помните эту песенку?

Теплый ветер дует,
Развезло дороги...

Это только петь хорошо, да и то уже потом, когда высохла грязь, кончилась распутица. А тогда — идешь полем, таща на каждом сапоге или ботинке по пуду налипшей земли. Да еще вдруг окопаться нужно или просто залечь. И вытаскивать орудия из грязи, и толкать машины.

Тяжело. А утешение лишь одно, но зато какое: наступаем!

Государственная граница. Вот мы вышли и к этой черте и, не задерживаясь, ее переступили, оставляя за спиной вновь установленный полосатый пограничный столб с названием нашей державы.

Государственная граница. Здесь на июньском рассвете встретили наши заставы несметные полчища врага. Превосходство противника было не просто подавляющим, оно было здесь многократным в живой силе и во всех видах техники. Но одним пограничники наверняка превосходили захватчиков — силой своего духа. Потому и держались они столь стойко, порою по нескольку суток, до последнего, истекая кровью, ожидая подхода регулярных частей.

Через контрольно-следовую полосу, которую невозможно преодолеть, не оставив отпечатка, хлынули и поперли сотни тысяч кованых вражьих сапог, тысячи танковых гусениц. Фронт неотвратимо двигался на восток. Государственная граница осталась далеко позади. Фактической границей становилась линия фронта.

И вот мы снова здесь. Сколько испытали мы всякого за эти годы — горечи, боли, потерь, радости побед и освобождения. И, скрывая слезы волнения и счастья, мы помнили, что мы прежние, и понимали, что мы уже другие.

Когда-то, до войны, мы готовились в случае вражеского нападения бить врага на его собственной территории. Теперь это положение оправдывалось, но слишком не скоро и какой ценой!

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЫМА

Сколько на войне требуется находчивости, хитрости, необычности и смелости решений. Это требуется от всех — от рядовых, от офицеров, от самых крупных военачальников. Без этих качеств невозможно побеждать.

Легендарный Сиваш. В решающем сражении за Крым в гражданскую войну Красная Армия впервые форсировала это гнилое море. И сейчас отважный до дерзости ход был повторен и, самое главное, тоже неожиданно для противника. Правда, враг получил еще и другие удары.

...Солдаты переходят Сиваш вброд. Забрали полы шинелей под брезентовые ремни и, как дети, держат друг друга за руки. Непривычно, боязно, вода обжигает, до кости леденит ноги. Берег еле виден вдали. Но ничего, поначалу казалось, что будет хуже...

Схожесть этих проведенных с интервалами почти в четверть века операций как бы напоминает о неразрывности связей и традиций в нашей военной мысли, в Вооруженных Силах нашей страны.

Москва салютовала своим войскам, своим фронтам, одерживающим новые победы. Эти салюты были явственно слышны всему миру. Но и в самой армии вошло в обычай салютовать в честь своих побед. Не по приказу, не запланированно, а всегда неожиданно — как потребность, порыв, проявление чувств. В громе этих залпов и очередей обязательно была и дань памяти, скорбь по не дожившим до счастливого часа товарищам.

Белая кромка прибоя, весенняя голубизна неба, черный стелющийся дым. И нестройный, не в лад, ликующий салют на берегу из автоматов и карабинов, из раскалявшегося в долгих боях личного боевого оружия.

Шутка ли сказать — освобожден Севастополь! Это произошло 9 мая 1944 года. Разумеется, никто не знал тогда, что главные салюты загремят над землей ровно через год.

Стремительное освобождение Одессы, а затем Севастополя имело особую психологическую окраску. Очень уж упорно и героически сопротивлялись они прежде врагу, выказывая необыкновенную стойкость, а оставлены были только тогда, когда ничего нельзя уже было поделать. И сейчас это быстрое их взятие было для

каждого из нас торжеством справедливости, выполнением долга перед погибшими, ощущением незряшности наших первоначальных усилий.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ

Одно из труднейших и опаснейших дел на войне — форсирование водных преград, после тщательной подготовки, а еще чаще — с ходу, преодолевая отчаянное сопротивление противника. Потому что никто не отдаст добровольно водный рубеж, надежную линию обороны.

Сколько лежало перед нами рек, и не лежало, а мощно текло, подмывая берег, снося плоты и понтоны. В их числе были и великие реки, и просто широкие и полноводные, и бесчисленные мелкие речонки. И еще следует помнить, что почти все они текли к югу, и правый берег, на который предстояло подниматься нам, был обрывистым и высоким. А переправляться приходилось не налегке, а с техникой, чтобы прочно зацепиться на той стороне, захватить плацдарм, развить успех.

Сколько преодолено было известных со школы или совсем незнакомых рек, сколько ребят осталось в их мутных водах! Нелегкая, бурлацкая, опасная работа.

Поразительный документ. На неструганой доске топоров написал солдат письмо своим родителям и прибил доску на самом виду, к стволу старой березы, возле разрушенного родного дома, где никто не встретил его. Вероятно, это могучая береза, памятная ему с самых ранних его дней, выглядела сейчас странно и горько рядом с развалинами милой сердцу избы или хаты.

...На перекрестке военных дорог письмо, прибитое к стволу белой березы. Это — как из давней поэмы, из песни, из сказки. Только со счастливым ли она окажется концом?

Прекрасно лицо этой не такой уж старой, как может показаться поначалу, крестьянки, освобожденной после трех лет неволи. Сколько живых чувств и переживаний в ее улыбке и глазах.

Бобруйский «котел». Мне довелось видеть это многокилометровое нагромождение разбитой, разрушенной техники врага. Буквально друг на друге, сплошным навалом искореженные танки, орудия, бронетранспортеры, автомобили. Это производило впечатление специально свезенной в одно место разгромленной техники, некоей железной свалки войны. Приходило в голову слово «перемолоть», в его военном значении. Здесь была блистательно перемолота гигантская вражеская сила.

Могучее летнее наступление наших фронтов в Белоруссии было, как никогда в истории войн, поддержано партизанскими отрядами и соединениями. Благодаря своей численности (свыше 370 тысяч бойцов), исключительной организованности и, разумеется, подробнейшему знанию местности, они сумели нанести по тылам отступавших фашистских войск чувствительные удары.

Они устраивали засады, железнодорожные крушения, перекрывали пути отхода, взрывали перед бегущим противником мосты, заставляя его бросать технику, и в то же время спешно наводили переправы для наших передовых частей. Они вынудили германские армии отступать только по дорогам, на виду у висящей в небе нашей авиации. Жестокий урон понесла в этой войне, но не дрогнула мужественная Белоруссия, бесстрашно и умело противостояли врагу партизаны и подпольщики. И теперь во взаимодействии с регулярными частями били бегущего ненавистного врага народные мстители.

Они научились воевать, и многие из них тут же влились в ряды армии. А перед этим в разбитом, истерзанном, но уже свободном Минске состоялся парад партизан, вышедших из лесов и болот, не склонивших головы перед лютым врагом, отважных сынов и дочерей своего народа.

И вспять покатилась орда.
Мы снова весь путь повторяли.
Мы брали назад города.
Мы близких навеки теряли.

Ребят позабыть не смогу,
И нынче, глаза лишь закрою, —
Их вижу на белом снегу,
Присыпанном черной землею.

Сквозь время — везде и всегда —
Мучительно помним про это.
Пришла в сорок первом беда
И лишь в сорок пятом победа.

Десятки тысяч военнопленных во главе со своими генералами были проведены по Москве. Длиннейшая серая колонна, от тротуара до тротуара залившая Садовое кольцо. Для них война уже кончилась. Конечно, они рады этому. Ведь исход войны слишком ясен. Их и провели здесь, чтобы напомнить миру об этом.

Они медленно прошли по Москве, не до конца понимая позорную нелепость своего положения, своей роли недавних завоевателей, самонадеянно угрожавших нашей столице.

Для них важнее, что они уцелели в страшной войне и будут жить дальше,— в этом у них уже нет ни малейших сомнений. Они медленно бредут по Москве мимо пестреющих людьми окон и тротуаров. А позади, как окончательный штрих этого грандиозного действа, дви-

жутся старенькие поливальные машины, смывая с мостовой их следы.

Они собирались войти в Москву как победители.
Они вошли в нее в качестве пленных.

ВТОРОЙ ФРОНТ

Наконец-то, после многих обещаний, после долгих и все не сбывавшихся наших ожиданий, был открыт второй фронт, полноценный второй фронт: высадка союзников непосредственно в Западной Европе, во Франции. Оттягивать эту операцию далее было уже невозможно.

Все свободолюбивые, все борющиеся народы встретили открытие второго фронта как радостную весть: оно приближало конец войны, хотя самый ее результат был уже для всех очевиден.

Чувство удовлетворения испытали и мы. Я помню короткий митинг по этому поводу в нашем полку, речь замполита об англо-американо-советской дружбе и о необходимости еще упорнее совершенствовать боевое мастерство, еще решительнее гнать и громить врага.

Как прилив океана, который равномерно накатывается на мрачноватые берега Нормандии, мощно выплеснулись на ее землю хорошо подготовленные многочисленные силы союзников. Немецкое командование оказалось не в состоянии серьезно противопоставить что-нибудь этому удару,— главные и лучшие армии Германии были прикованы к восточным фронтам.

А это — крупные военачальники союзников, генерал Эйзенхауэр и фельдмаршал Монтгомери. Их имена в то

время часто звучали у нас, как, впрочем, были популярны на Западе имена Жукова и Рокоссовского.

И не дожидаясь подхода англо-американских войск, бесстрашно восстал Париж, прекрасный, всегда свободный Париж, организованный в боевые отряды Париж — патриоты и герои, мужчины и женщины Парижа И он победил, этот удивительный, такой не воинственный город.

Вот он флаг, который всегда приятно видеть поднятым в руке врага,— белый флаг. Гитлеровцы признают свое поражение, свое бессилие перед гневом и волей народа.

Память о тех днях бережно хранит Франция.

Американцы в Париже. Они вошли туда, когда город был уже свободен. Вон как шагают они по одной из знаменитейших улиц мира — по Елисейским полям.

Американцы в Европе. Мне довелось видеться с ними в самом конце войны. Мы встретились дружески, как союзники.

Они были рослые, как на подбор,— можно подобрать таких, если армия относительно невелика и несла мало потерь. Карманы у них были набиты шоколадом и сигаретами, они угощали нас беспрерывно. Видя идущего нашего солдата, они останавливали машину и предлагали подвезти: у них было много автомобилей.

Нам казалась необычной их форма — полувоенная, полуштатская, где трудно было разобрать, кто в каком звании. Держались они крайне небрежно, воротник расстегнут, рукава закатаны. Они были прекрасно вооружены, но у них был какой-то несерьезный вид туристов. И дисциплина у них была очень относительная, а мы

уже понимали, что без этого нет и не может быть настоящей армии. В общем, они были неплохие ребята, эти рослые американские парни.

Иные наши солдаты, плотные, невысокие, в выгоревшей латаной гимнастерке под брезентовым поясом, с котелком, в обмотках, вероятно, проигрывали во внешнем виде — мы об этом не задумывались, и американцы с некоторым удивлением смотрели на них. Чувствовалось, что они стараются и не могут понять, каким все-таки образом уничтожили мы гитлеровскую военную машину.

...Но это было в самом конце войны, в мае. А сейчас они только в Париже.

А это куда более живая, куда более французская картина. Правда, на ней сам генерал де Голль. Но, право, какая она непарадная, естественная, парижская, с этой улицей, этими лицами, этой толпой. В ней как бы атмосфера, характер Франции.

Париж свободен!

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ

В разгар войны, когда до конца было неблизко, на нашей территории формировались польские, чехословацкие части и соединения. В этих странах еще была глухая ночь оккупации, разносились резкие шаги патрулей, стоны пытаемых, залпы карателей.

А здесь — выдавалось обмундирование и оружие, проводились полевые занятия. Этим людям виделось, как они вместе с нашей армией ступают на свою родную землю. Так оно потом и получилось.

Для них эти годы связаны с названиями наших сел, где стояли их штабы, с именами наших офицеров, учивших их.

Когда они шли по своей земле, на их сапогах незримо оставался наш чернозем или суглинок.

Это мотоциклисты из Войска Польского. Они испытали счастье вернуться на родную землю освободителями. Но как строги их лица — ни одной улыбки. Слишком страшно все, что они здесь увидели. Чудовищны развалины, бесчеловечны злодеяния. Разрушенные города можно отстроить заново, даже точь-в-точь такими, как прежде. Это действительно было потом сделано. Но ведь не все восполнимо.

Наша армия продолжала освобождать города и села Польши. Белоруссия и Украина остались далеко за спиной.

Белоруссия родная, Украина золотая,
Ваше счастье молодое
Мы стальными штыками оградим.

Популярнейшая строевая песня времен войны. Ее пели в строгих офицерских училищах, в краткосрочных полковых школах, в заволжских запасных и в лихих гвардейских полках. В тылу, на переформировках и на прифронтовых дорогах.

Ах эти строевые песни! За лесами и холмами, далеко-далеко, звучат они сейчас для меня, порою угадываясь лишь смутно. Хриплый голос запевалы и мощный хор, подхватывающий припев, а подголосок тоже человек не последний, его тенорок бьется бубенчиком над этим могучим хором и слышен более других. И сама собой подравнивается рота, берет «ножку», расправляются плечи, поднимаются головы.

Белоруссия родная, Украина золотая...

Это песня тридцать девятого года. Наш освободительный поход.

В сорок первом не оградили. Но все равно пели повсеместно эту песню в солдатском строю. И оказались правы.

Гремят наши песни далеко за пределами России, и Европа внимательно слушает их.

У нас были союзники — Англия и США. Они так официально и назывались — союзники. Они действовали на других театрах войны. В совместных операциях мы, по сути, не участвовали, разве что на море и в воздухе. Но в ходе войны у нас появились новые союзники, перенесшие великие беды и вставшие с нами плечом к плечу. И в числе первых — Польша.

Рядом и за общее дело проливали мы кровь.

Любой ценой враг пытался приостановить наше продвижение в Польше, не пропустить наши войска в Германию. Он надеялся, что наш нажим ослабнет, не только потому, что мы утомлены столь долгим наступлением, но и чисто психологически: ведь мы уже освободили свою землю и воюем на чужой.

Но героизм и самопожертвование наших людей были не меньшими, чем прежде, мощь наших фронтов и армий все нарастала. Очень хорошо помню это чувство: нас уже ничем не остановить!

Такие разрушения, такие развалины, как были оставлены гитлеровской армией в Польше, можно было еще увидеть лишь в одной стране — у нас.

До войны у нас не существовало туристских поездок, и вообще мало кто бывал за рубежом. А в сорок пятом сразу несколько миллионов наших людей оказалось в Европе. И с какой выдержкой, достоинством прошли они по ее дорогам. Я не раз замечал эту поразительную способность не удивляться попусту, не суетиться, сохраняя полнейшую собранность и спокойствие — привычку, свойственную русскому человеку.

Куда только не забрасывала судьба, но что же в этом удивительного! На войне всякое увидишь.

Отбивали обратно дорогие сердцу города и деревни, освобождали наших людей — все это было уже привычно, постоянно.

Но здесь совсем другое — новое, щемяще неожиданное: наши девчушки, угнанные на чужбину, в неволю, в услужение. Русские девчонки, украинские и белорусские девчата, бесправные, безответные, втихомолку выплакавшие синие глаза и карие очи в тоске по родным местам, по своим близким.

Вон как они хохочут сейчас — еще бы, у них теперь вся жизнь впереди! А их освободители, такие же молодые, как они сами, лишь улыбаются — добро, по-мужски сдержанно, чуть снисходительно.

От всех мадонн, стоящих у развилок,
От всех высоток, где прошли бои,
Из всех могил, окопов и могилок,
Где полегли товарищи мои,

Потом, когда исчезли пепелища
С истерзанной снарядами земли,
На сводные огромные кладбища
Товарищей моих перевезли,

Писавших в штабе длинные бумаги
Или мгновенно шедших на таран,
Сраженных в ранней утренней атаке
Или в санбатах умерших от ран.

Уже не раз в весенний день погожий
Иль под снежком, летящим с высоты,

Я молча возлагал у тех подножий
Немецкие и польские цветы.

И во Вроцлаве, и в Познани, и дальше — в Германии доводилось мне посещать такие кладбища.

...Несколько лет назад я побывал в прекрасном польском городе Познани, жил там десять дней. По утрам я выходил из отеля, гулял по улицам и площадям. Стоял тихий, чистый октябрь, листва еще не опала. Варта под мостом текла медленно, умиротворенно.

В войну я не бывал здесь и не знал, что у этого моста второпях поставлен был когда-то дощатый щит с надписью: «Мост в Познани через Варту — последний мост перед логовом фашистского зверя!» Слова «перед логовом» — были подчеркнуты.

В РУМЫНИИ

Вторая мировая война, как всякая война, но в значительно большей степени, чем другие, дала толчок развитию и совершенствованию новой техники, оружия, выдвинула и воплотила новые тактические идеи. В ходе войны армия была практически перевооружена, и этот процесс естественно продолжался.

...Сейчас это уже воспоминание. Был у нас старинейший, героический род войск, весьма активно участвовавший и в этой войне с начала и до конца, достойно выполнивший свою задачу, но исчерпавший себя и исчезнувший, сошедший после войны.

Кавалерия. Конница. С ней связаны сладостные картины детства. Буденный. Котовский. Чапаев... Цокот копыт по булыжнику. Или — еще лучше — комья земли из-под подков, конная лава, блистание шашек, черная буря бурок. Это заставляло замирать сердце.

И сейчас — заломленные папахи и фуражки, лампасы, струящиеся в голенища сапог, сдержанное ржание коней.

В последний период войны успешно действовали на юге казачьи части и соединения.

Да, роли окончательно переменились. Теперь только наши полководцы диктовали ход войны, планировали и осуществляли операции столь нацеленные и стремительные, а наши войска осуществляли прорывы и охваты столь глубокие, какие не удавались противнику даже в начальные недели войны.

Именно в таком, новом, темпе и стиле был взят Бухарест. Румынская столица сумела оценить это по достоинству.

С большой охотой румынский народ и армия вышли из войны на стороне Германии и стали нашим новым союзником. Мне случалось видеть заново укомплектованные бодрые румынские части, отправляющиеся на фронт.

А это — первые встречи и знакомства. Обоюдное стремление понять друг друга. И уже вполне деловое сотрудничество — совместный патруль.

В БОЛГАРИИ

Народ Болгарии встретил Советскую Армию столь восторженно, с такой неподдельной радостью, как до этого бывало лишь на нашей земле. На шоссейные и проселочные дороги, на улочки и улицы деревушек, городов и самой Софии выплеснулось такое ликование, что могло показаться, будто уже нет войны.

У болгарского берега бьется и хлопает на свежем ветру бело-голубой флаг Военно-Морского Флота нашей

державы. И стоит на палубе по стойке «смирно», с винтовкой у ноги, бравый черноморец, старшина второй статьи, а далеко за его спиной — нет, и в бинокли не рассмотреть! — Одесса, Новороссийск, Севастополь...

Народно-освободительная армия Болгарии. Болгарские партизаны. Наши братья в борьбе с общим врагом. Бесстрашно и упорно, неся жестокие потери, не один год сражались они за свободу, и так же естественно — беззаветно повсюду поддерживало их население. И еще — в тяжелые и в победные наши времена всеми помыслами, всеми устремлениями души были они с нами.

Не щадя своих сил и жизней, расшатывали они изнутри ненавистный режим, и настал момент, когда он затрещал и зашатался. Болгарская рабочая партия и Отечественный фронт успешно организовали и осуществили сентябрьское восстание. Как это прекрасно: не смириться и победить!

Успех дела был предопределен и тем, что в болгарские порты уже вошли боевые корабли Черноморского флота, а с востока, так, что прогибалась под их силой земля, катились по дорогам Болгарии наши армии,

ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

Бои в Прибалтике... Перед решающим нелегким сражением — вынос полкового знамени.

Такое бывает не слишком часто, я, например, вспоминаю за свою службу всего несколько подобных случаев. Обычно знамя хранилось в чехле в штабе, под неусыпной охраной специального поста, самого почетного в части. Достаточно было одного сознания, что оно есть.

Знамя — святыня полка, символ его боеспособности, мужества, верности присяге. Потеря знамени — самый

тяжкий и горький позор. Не зря сберегали его, рискуя жизнью, при отступлении, в окружении, в трудные наши времена. Пробирались через леса и болота, плотно обмотавшись полотнищем, выходили к своим, рвали через голову гимнастерку и нательную рубаху, и у измученных войною людей просветлялись глаза и лица при виде тяжелой, темно-красной с золотом ткани — боевого, воинского, революционного знамени.

А если безжалостно кончались силы, уходила по капле жизнь вместе с последней кровью, оставляли иной раз красное полотнище в дальней деревушке, завещав остывающими губами — сберечь и передать нашим. И бывали поразительные примеры того, как неграмотная крестьянка, не понимавшая в точности — зачем, но твердо знавшая, что так надо, месяцами, а то и годами сохраняла на чердаке или в подполе знамя погибшего геройски и затем возрожденного с ее помощью полка.

Вдоль застывшего строя чеканят шаг по осенней траве командир, за ним знаменосец и два ассистента по бокам, и сердца бойцов наполняются отвагой и гордостью.

А спустя несколько страниц вы увидите другой снимок. Трофеи: вражеские знамена с отвратительным знаком — свастикой. Сколько попадалось нам таких знамен, оставленных, потерянных впопыхах. Плохи же стали дела у их владельцев!

Малую часть этих знамен увидел потом мир брошенными на брусчатку, к подножию Кремля и Мавзолея.

Наше нарастающее наступление. А вокруг ранняя осень, мелкие и частые прибалтийские дожди, еще сочная зелень. И обилие водных преград, которые приходилось то и дело форсировать. Отчаянное сопротивление уже неуверенного в себе противника, минирован-

ные улицы красивых старинных городов. Новизна мягких пейзажей, красная черепица, маленькие аккуратные городки. И пустынные дюны, сосны, светло-желтый песок, серые балтийские воды.

По отношению к республикам Прибалтики у нас было особое чувство. Дело в том, что они были очень молоды, они стали советскими почти перед самой войной. Положение сложилось так, что мы вынуждены были отойти с их территорий очень быстро, что всегда оставляет в душе более горький осадок, чем отход после упорной и длительной обороны.

Мы испытали удовлетворение от того, что, несмотря на многочисленные и сильные укрепления противника, Прибалтика была освобождена столь же стремительно.

В освобождении республик Прибалтики, в боях за их столицы активнейшее участие принимали национальные — эстонские, латышские и литовские — соединения. До этого они успешно сражались на других фронтах, но к концу лета сорок четвертого года, доукомплектованные, добротно обмундированные и вооруженные, были выдвинуты к их родным землям. Они с волнением освобождали дорогие сердцу места, а живущие там, встречающие нашу армию с радостным удивлением слушали их знакомую, с детства понятную речь.

СЛОВАЦКОЕ ВОССТАНИЕ

Начало октября. Позади Дуклинский перевал. В долинах еще тепло и сухо. Вместе с нашими войсками к границе Чехословакии вышел Чехословацкий корпус. Борьба предстояла еще нелегкая, долгая.

Но уже сейчас можно развернуть государственный флаг, можно дать победный залп, можно, преклонив колена, поцеловать милую землю отцов и дедов. Эти чувства близки и понятны каждому, кто освобождал свою Родину, кто воевал за свободу.

Впереди — все ближе смутно голубеющие склонами, белеющие снегами вершин горы. Когда-то похоже синели горы Крыма, грозно возвышался в небе Кавказ. Теперь перед взором Карпаты. Они кажутся неприступными. Но все глубже и все выше неотвратимо проникают в их мрачные пределы наши войска. Глубокий снег. Холодно. На высоте трудно дышать. Тянутся по горной тропе терпеливые вьючные лошади. Ну, а там, где совсем тяжело, поднимает орудия на руках наша пехота. Наша матушка-пехота. Ведь она все может, все умеет, везде ей не привыкать.

Партизаны Словакии. Они были хозяевами в этих хмурых холодных горах, они были ударной силой словацкого восстания. По масштабам партизанской войны в порабощенной стране можно безошибочно судить о силе духа и о характере народа.

Мы помогали им не только оружием и боеприпасами. За линию фронта прорывались наши крупные партизанские соединения, по воздуху перебрасывались отдельные группы. Кроме личной храбрости, они принесли в Словакию то, что было не менее ценно,— кровью добытый опыт.

В ЮГОСЛАВИИ

В сорок первом среди всего, обрушившегося на нашу страну, на наши души и сознание, среди всех бед и надежд, явственно прозвучало и это название — Югославия. Мужественная, борющаяся, несдающаяся страна. Мы прониклись к ней и к ее народам живейшим со-

чувствием и симпатией. Ее сопротивление было дерзким, открытым и, может быть, наиболее успешным из всех оккупированных стран Европы.

Ее удачи радовали нас, как свои. Ее жестокая боль становилась нашей болью.

Как нам это близко и знакомо. Как восходит это к первым еще годам после революции, к гражданской войне.

В партизанском краю, под боком у врага,— школа. Вечерняя школа или школа для взрослых? Впрочем, здесь есть и совсем дети. Неважно, как ее назвать, но это — школа.

Скрип мела и перьев, взгляд, поочередно обращающийся к белой тетради и к черной доске с условием, а затем и решением задачи... И другая задача, и другой взгляд — вперед, много дальше: свободной республике Югославии потребуются грамотные люди.

Школа... И еще иная школа, которую довелось пройти,— горечь утрат, война. Суровая школа жизни.

Партизаны Югославии. Они «о Родине радея, не помышляли о себе». Они так бесстрашно дрались за свободу, и столь велик был размах этой борьбы, что о их стране можно было сказать: партизанская Югославия. Их повсеместно поддерживало население, им, чем дальше, тем больше, помогали мы, но все-таки как же им бывало нелегко. И не только в самом бою, но и на переходах, привалах, в горах, в снегу. Подвиг — не только коротко сжатый миг мужества, яркая вспышка отваги, но и долгие будни, житейские трудности, монотонные тяготы войны.

Девушка перевязывает голову раненому. Обратите внимание: у нее самой забинтована рука.

Наши солдаты на переправе возле Белграда. Многоплановая эта фотография — как полотно из народной жизни. Сработанный саперами настил, рябь воды, и тот, лесистый, берег, и автоматы, фляжки, подсумки на ремнях, а у одного на плечах тяжелый станок «максима». И главная суть картины, на что невольно обращаешь внимание: как эти ребята, выполняющие свое дело, по-хозяйски деловиты, умелы, уверенны.

А на другом снимке югославские партизаны невдалеке от своей столицы. Вглядитесь в них. За спокойствием этих лиц ощущается скрываемое волнение. Они все полны решимости. Их ждет Белград. Их ожидают матери, невесты, жены. Вон у знаменосца на пальце обручальное кольцо.

Почти с самого начала войны, пока еще не успели появиться художественные фильмы о всенародном подвиге, у нас на экран стали выпускаться «Боевые киносборники», составленные из отдельных сюжетов, коротких новелл, зовущих на борьбу с врагом. И вот была одна из них — о Белграде, о выслеженной гестаповцами подпольной радиостанции, о геройстве и гибели подпольщиков. Эта история обжигала сердце. Там еще звучала трогательная песенка:

Ночь над Белградом тихая
Вышла на смену дня...

Могли ли мы думать, что придем туда!

...С той поры, как осталась за спиной наша государственная граница, немало брали мы городов — ощетинившихся, затаившихся. Что ни говори, приятно входить в город, который встречает вас, как дорогих, долгожданных друзей.

Прохороны нашего солдата. Скорбь на лицах, могила в цветах. Далеко же ушел он от дома, от родной стороны, чтобы погибнуть за другую землю, за другой народ, но за общую свободу и справедливость.

Одиночные или братские могилы в братской стране. Вечная слава нашим друзьям, лежащим в них. Вечная слава и память всем, оставшимся на великом и долгом пути.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕНГРИИ

Венгрия. Редкостная по тем временам ожесточенность боев под Будапештом. Отчаянные танковые контрудары врага у озера Балатон. Вздувшийся Дунай, упавшие мосты, потери, грязь, распутица. И наш 3-й Украинский фронт, мощно пошедший на Запад по весенней венгерской равнине. И транспаранты на обочинах шоссе: «Вперед, орлы Толбухина!»

Это все и моя молодость.

Сколько было мадьярских сел, хуторов, поместий, сколько городков и городов с названиями, врезанными в память навсегда, как резцом по граниту. Еще бы, ведь с этим столько связано! Дебрецен, Сегед, Цеглед, Мор, Папа — все очень просто. И вдруг такое, что не каждый выговорит — Секешфехервар! Шутили: «Легче взять, чем произнести». Другие прошли через другие города и страны и тоже детально запомнили свою дорогу — на всю жизнь.

Постоянные варварские нарушения гуманных международных соглашений, касающихся военнопленных, раненых, мирного населения и многого другого на войне, давно стали для гитлеровской своры законом и нормой.

В первый день сорок пятого года ими были подло убиты два наших парламентера, посланные с предложением о капитуляции окруженной будапештской группировки. На снимке — тело одного из них.

Дунай. Одна из крупнейших рек Европы и одна из крупнейших рек войны. С ней связано немало наших воспоминаний, так же как с Волгой, с Днепром, с Вислой, с Одером... Не один рухнувший мост видели мы на этой реке. Не один раз и не в одном месте пришлось нам форсировать эту грозную водную преграду. Всемерно помогала при этом наземным войскам смело поднявшаяся вверх по реке Дунайская флотилия.

В АВСТРИИ

Венгерская равнина, естественно перешедшая в Венскую низменность. И столица Австрии — шестая уже европейская столица, которую брали наши войска. После нее — за неполный месяц — предстояло взять Берлин и освободить Прагу. Восемь громких европейских столиц! До этого уже были учреждены медали за оборону наших городов, наших городов-героев. Теперь предстояло появиться медалям за взятие и за освобождение чужестранных столиц.

Все гуще пестрели в сводках и приказах непривычные названия взятых нами селений и городов. Ярко звучали уже хорошо знакомые миру, близкие многим имена наших полководцев, а за каждым из них подразумевались могущественные армии и фронты.

Вдали, за Веной, голубели горы — потом мы дошли и до них — а впереди опять, в который раз, будто нарочно, катился Дунай, но мы к этому уже привыкли.

Мы взяли этот красивейший город решительно, в течение недели. Мне довелось в составе 9-й гвардейской армии «стоять» в аристократических виллах на холме и даже встретить там майские праздники.

Что играет этот военный духовой оркестр, этот наш музыкантский взвод на площади австрийской столицы? Может быть, капельмейстер уже раздобыл здешние ноты, и ребята играют что-нибудь сугубо венское, или это свой, привычный, сызнова тревожащий сердце мотив?

А на втором снимке знаменитый собор святого Стефана. Этот готический храм стремительно уходит в высоту, вы видите только его подножие. Монахини убирают мусор и осколки после последних обстрелов.

Семен Гудзенко написал в то время:

Зачем ты спрашиваешь нас?
В России знают все
И венский лес,
И венский вальс,
И венское шоссе.

Перед войной у нас шел фильм «Большой вальс» — о Иоганне Штраусе. Эту картину запомнили все, кто ее видел, и когда мы пришли в Вену, его музыка как бы сама собой зазвучала в нас. Можно сказать, что наша армия любила Штрауса. Смотрите, два офицера возлагают к его могиле венок. Но разве только Штрауса? Везде, куда восходили наши войска, отмечался их неподдельный интерес к местной культуре, трогательная забота о ней, потребность в сохранении ее памятников.

Одна из черт нашего характера и воспитания.

Мы часто слышали и сами говорили не раз о том, что фронт простирался от Баренцева моря до Черного. Допускаю, это воспринимается сейчас как некий образ, но ведь это было действительно так.

Поднимите взгляд к верхней части карты, к Крайнему Северу, к Заполярью, и представьте себе войну там. Горная тундра, олени, долгая полярная ночь, призрачные сполохи сияния, освещающие темное небо не хуже мощных прожекторов, снега, мороз...

Там с непривычки просто жить тяжело, а не то что воевать!

В районах Заполярья, Баренцева моря корабли и авиация Северного флота теснее, чем где-либо, взаимодействовали с военно-воздушными силами союзников. Своеобразие условий, суровость климата и самой природы наложили на эти отношения особый дополнительный отпечаток.

Наступление велось в трудных условиях, по снегу, по голому камню, по тундровому мху. И немалую роль сыграл здесь десант Северного флота. Моряки, высадившиеся на сушу, черные бушлаты, перекрещенные пулеметными лентами,— не случайно с давних пор это наводило страх на врага.

Много чужих солдат и искореженной техники осталось на этой хмурой земле, много чужих кораблей поглотила ледяная северная пучина.

Район Петсамо был освобожден. В эти дни, по сути, была освобождена от захватчиков вся наша Родина.

Среди многих громких побед других фронтов, с освобождением ими известнейших больших городов, победа в Заполярье могла показаться кое-кому довольно скромной, не слишком значительной. Однако следующий шаг произвел впечатление на всех. Наши войска вступили на территорию Норвегии! Психологически это имело поразительный эффект — до этого Норвегия казалась очень уж отдаленной.

И как везде, куда входила наша армия, ее приход окрылил освободительную борьбу норвежского народа.

БОИ В ГЕРМАНИИ

Путь наш пролег — вдаль по полям и санбатам,
Каждый наш день — как в диске последний патрон.
Слава навек погибшим в сраженьях солдатам,
Тем, кто живой, тоже слава и низкий поклон.

После всех лет, после всех тягот похода,
Горьких потерь под небом родной стороны
Больше всего сейчас умирать неохота —
В самом конце этой долгой и трудной войны.

Время придет глянуть в глаза своим милым,
Только пока еще громыхает война.
Но над землей, над этим истерзанным миром, —
Слушайте все! — вслед за нами грохочет весна.

Как хорошо, что на земле есть Россия,
Ранний простор, нагретые доски крыльца.
Нас будут ждать, мы мертвые или живые, —
В отчем краю все равно будут ждать до конца.

И опять — «переправа, переправа, берег левый, берег правый», как в «Теркине». Наводят саперы мост — по колено в воде, по пояс, по грудь. Который он по счету для них? Десятый, сотый? Наводят мост, но ведь подумать только — где! В самой Германии!

Пробил час, о котором мечтали, стиснув зубы, в который верили. Час расплаты. Стальная волна наших армий грозно захлестнула германский берег. Наконец-то пришел срок держать ответ. Это улицы немецкого города, это горят немецкие дома. Как народный глас гнева и справедливости прозвучали весомые слова нашего великого поэта:

Плати по счетам, Германия,
Молись! По тебе идем!

Свороченный набок броневой колпак вражьего дота, и на нем наш солдат с автоматом и развернутым флагом. Может быть, командир приказал взобраться туда, чтобы было видно, что и этот рубеж взят, а может, фотокорреспондент попросил — позарез нужно для газеты, да и самому еще обещал снимок прислать. Как бы там ни было, стоит парень так, что хоть скульптуру с него лепи. Для потомства.

Каждый наш солдат не мог не знать хотя бы нескольких необходимых ему слов и фраз на языке противника. «Hende hoh!» — обязательно входило в этот фронтовой лингвистический минимум. И поверьте уж, не для того, чтобы понять, если тебе это крикнут, а затем, чтобы враг понял тебя. Даже в начальный период войны.

Ну, а эти подняли руки сами, не дожидаясь команды.

Здесь, у себя дома, враг сопротивлялся ожесточенно, с упорством отчаяния, до конца. Он словно еще не верил происходящему, он словно еще на что-то надеялся.

Неуютно было нашим танкам на узких улицах не-

мецких городов. На каждом перекрестке, на каждом шагу приходилось встречать, преодолевать, ломать бешеное противодействие. Вот когда нам пригодился богатейший опыт городских боев.

Кого только не доводилось освобождать к концу войны за границей: и узников страшных концлагерей, и наших женщин, угнанных в неволю. И вот еще. Наши части освобождают союзников, американских военнопленных. Те радостно развернули флаги — свой, американский, даже наш. Они стоят за колючей проволокой, но следует признать, вид у них довольно бодрый.

Скольких людей вызволили мы из рабства. Их пестрые потоки заполнили тогда дороги старой Европы. Разве можно забыть такое? Ведь для них снова началась жизнь.

Музыка сорок пятого года. Наша музыка. Не только рев моторов и гул орудий. Не только медь оркестров. Наши песни в строю и на привалах, в грузовиках и в теплушках. Страдания сверкающих перламутром трофейных аккордеонов, томительные русские мелодии, рвущиеся из-под заскорузлых солдатских пальцев.

А вот среди руин, рядом с провалом в кирпичной стене и свисающими балками — пианино. И даже ваза с цветами на нем. Что играет этот офицер, о ч е м он играет своим усталым солдатам?

Приходится вспомнить: случалось, что рояли и пианино в германских домах оказывались минированными. Стоило только поднять крышку или коснуться клавиш...

Мощно катятся к Берлину наши войска. В центре Германии все указатели — на русском!

И вот — бои в Берлине!

Мы с самого начала верили, что придем в Берлин, однако долгое время эта вера как бы не была вполне реальностью, а скорее лишь символом. Но постепенно — начиная с первой зимы — она все более облекалась плотью.

Мы неотвратимо приближались к Берлину, к фашистскому, к звериному логову.

Оглушенный тяжелыми бомбежками и артобстрелами, ослепленный направленными в глаза зенитными прожекторами враг сопротивлялся отчаянно, но он был уже не в силах противостоять нашему натиску.

Упорнейшие, длительные и скоротечные бои и схватки в городе, среди развалин, руин, перепутанных проводов, покореженной арматуры. Как когда-то в Сталинграде. Но разница есть, и немалая! — это не Сталинград, это Берлин!

Заметьте: Берлин был гораздо основательнее подготовлен к обороне, окружен тремя обводами, укреплен специальными секторами и многоэтажными подземными бункерами. Однако он был повержен и пал в течение двух недель. Никто этому уже не удивлялся.

Посмотрите на ребят, ведущих жестокий уличный бой. Некоторые из них даже не в касках, а в пилотках, надетых лихо, набочок, как в увольнении. Какие ребята!

Флаг над рейхстагом. Это не просто очередной флаг в дымном небе, над взятым даже очень большим горо-

дом. Это флаг над окончательно поверженным врагом, над очнувшимся миром.

Красный флаг. Знамя нашей Победы.

Фашистские лозунги. Геббельсовская пропаганда. «Мы не капитулируем» — право, это выглядит не слишком убедительно на фоне павшего Берлина.

А вот еще: «Берлин останется немецким». То есть то же самое: не сдадим Берлин, не войдут в него русские. Вошли! Но изречение оказалось точным, правда, совсем в ином смысле, который меньше всего хотели вложить в него гитлеровские заправилы и который бы ужаснул их: Берлин стал столицей нового немецкого государства — Германской Демократической Республики.

И наконец, на упавшем с насыпи немецком вагоне: «Колеса крутятся для победы».

Как выяснилось, наши колеса крутились надежнее.

Первое мая. Первое мая 1945 года. Первое мая 1945 года в Берлине. Берлин в развалинах, в битом кирпиче, в гари и копоти, в еще не осевшей пыли. И рейхстаг весь черный, а Унтер-ден-Линден, где они маршировали своим гусиным шагом, и Фридрихштрассе — все в руинах. И река эта, Шпрее, о которой столько слыхали, вся черная, и серые германские трупы в воде.

Надо всем этим наши салюты, наш говор, наш красный транспарант «Да здравствует 1 Мая!». И по всей России, по всей нашей стране такие лозунги и плакаты, и люди ждут, замирая: война ведь уже в самом, самом конце.

Я в это время был в Вене. Буйно цветущая сирень, майские оркестры, походные кухни, сварившие рисовую

кашу с изюмом. И это известие — взят Берлин! Конец. Отвоевали. И вдруг — на войне все вдруг! — нас по тревоге перебрасывают на 2-й Украинский фронт, в Чехословакию. Берлин пал, но война еще не кончилась.

А над Берлином — Первомай, и вспоминаются сейчас стихи великого поэта, написанные в ту пору и счастливо хранящие наши тогдашние ощущения:

Не в самый полдень торжества
Приходят лучшие слова...

И сердцу радостно и страшно
Себя доверить той строке,
В которой лозунг наш вчерашний
Сегодня — ноша на штыке.

Отчизна, мать моя, сурово
Не осуди, я слов ищу,
И я лишь первые два слова
Об этом празднике пишу.

Я их сложил, как мог, в минуты
Волненья, что лишают слов,
Когда гремел салют салютов
Из всех, какие есть, стволов.

С твоими равными сынами
Я плакал теми же слезами,
Слезами радости, твой сын.

Берлин, о Родина, за нами
Берлин, товарищи, Берлин!

Капитуляция. Белые полотнища, бессильно свисающие из окон домов. Разоруженный враг. И вышедшие из укрытий цивильные немцы с детьми, озабоченно спешащие по еще недавно парадной Унтер ден Линден, у Бранденбургских ворот. Собственно, все. Конец.

Но не каждому дано понять, что это уже и начало. Другого, нового.

Вскоре после взятия нами Берлина выяснилось, что в огромном многолюдном городе, по сути, не осталось продовольствия. Из запасов фронтов было выделено 6 миллионов пудов муки, зерна и отдельно — другие продукты. Были введены нормы питания. И, как принято у нас, в первую очередь обеспечивались дети.

Эти маленькие жители Берлина давно уже взрослые люди. Но, должно быть, они навсегда запомнили дразнящий дымок свежего супа или каши и огромного всемогущего повара с черпаком в руке, возвышающегося над походной кухней в центре Берлина.

Лежа и сидя спят на берлинской улице измученные победители, а совсем рядом лежит чужой солдат, который уже никогда не проснется.

И еще одна капитуляция, главная,— не на поле сражения, не на городской улице, а за столом. Под яркими вспышками — не разрывов или ракет, а репортерских «блицев». Кейтель подписывает акт о безоговорочной капитуляции.

Читатель, листающий эту книгу! —

Мой товарищ, мой сверстник, прошедший грозной дорогой до конца;

Мать, потерявшая единственного сына;

Невеста, не дождавшаяся своего солдата, состарившаяся в одиночестве или давно вышедшая замуж и вырастившая детей, которые теперь старше, чем был когда-то он;

Все вы помните те годы, все вы объединены ими — это ваш подвиг, ваша слава, ваша жизнь.

Ну, а ты, родившийся после того, как отгремели последние залпы, замирает ли твое сердце, сжимаются ли твои пальцы, учащается ли твое дыхание?

Мы знаем, что если бы на твою долю выпали такие же испытания, ты с честью и достоинством прошел бы положенный путь.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ И ВСЕЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Самый-самый конец войны. Осела пыль над поверженным Берлином, рассеялся дым. Красное знамя над рейхстагом было видно очень далеко — всему миру. Измученный мир напряженно ждал. Когда же конец войне? И нетерпеливо восстала Прага, желая поскорее сбросить ненавистное иго, схватилась с еще сильным, озлобленным врагом. И пошли на помощь ей наши фронты, рванулись армии, взревели моторами танки. Приседая на поворотах, облепленные бесстрашным десантом, шли они на выручку чехословацкой столице.

В свое время выход наших войск на Государственную границу Советского Союза, разумеется, не мог остаться незамеченным — слишком явственно, почти физически, она проходила через каждого из нас. Но потом пошли небольшие европейские страны, и переход их границ не всегда замечался,— военные планы и действия штабов диктовались не только этими обстоятельствами. Иное дело здесь. Мне посчастливилось участвовать в освобождении Чехословакии в составе 9-й гвардейской армии, переданной из состава 3-го Украинского фронта 2-му Украинскому. Мы двигались с юго-востока, со стороны Вены, по шоссе, через почти безлюдные села и сдержанно затаившиеся городки. И вдруг — что

это? По обе стороны дороги стояли люди, много людей, нескончаемая живая аллея. Они махали руками, бросали цветы, протягивали кувшины с вином, смеялись, кричали «Наздар!». Девушки были одеты ярко, празднично.

Ошеломленные, мы не сразу поняли, в чем дело. Кончилась Австрия. Мы вступили на землю Чехословакии. И это продолжалось везде — на дорогах, в селах, в городах и, конечно, в самой Праге.

Радость Чехословакии ощущалась особенно глубоко: ее освобождение совпало с окончанием всей войны, всей долгой, мучительной, страшной войны против фашизма, с бесславным падением гитлеровской Германии. Правда, вторая мировая еще не закончилась, еще воевала Япония, но это было очень далеко, на краю света, да и положение ее теперь стало откровенно безнадежным.

А здесь была весна, густо цвела сирень, звучала музыка и девичий смех, и люди верили, что эта война была последней — в их жизни, а может быть, и вообще на земле.

Смерть и похороны после войны. Уже прогремела Победа, и дома, в России, нас всех доверчиво ждут. А здесь опять смерть, прощание. Может быть, он скончался в медсанбате от ран или сразу умер от пули обезумевшего, уходящего лесами врага. Много цветов... Плачут боевые товарищи и подруги. Плачут, как можно плакать о горькой и уже случайной потере — в мирные дни.

ПОБЕДА

И сказал поэт:

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застигли нас.

Еще теплы стволы орудий
И кровь не всю впитал песок,
Но мир настал. Вздохните, люди,
Переступив войны порог!

Да, верить можно, верить нужно,
Что правда есть, — на том стоим;
И что добро не безоружно:
Зло на коленях перед ним...

Накануне в пригороде Берлина, Карлсхорсте, на специальном заседании, открытом Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым, был подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

И настал новый день — день Победы!

Это был день ликования, счастья, человеческой объединенности, смеха и слез. Многие и многие, кому выпало пережить этот удивительный день, вспоминают о нем, как об одном из самых ярких впечатлений жизни или даже самом ярком и сильном потрясении.

Один помнит каждую минуту этого дня, деталь и черточку, другие провели его словно во сне.

Вот фрагмент оттуда. Смеющаяся толпа. Артистки из ансамбля, пляшущие прямо на мостовой. Трамвай № 16, ходивший по Большому Каменному мосту. А за всем этим — Кремль, башни, Большой Кремлевский дворец, соборы, беспредельное весеннее небо.

22 июня 1941 года германские полчища напали на нас. 24 июня 1945 года, через четыре года — и каких года! — на Красной площади в Москве состоялся Парад Победы. Нашей Победы.

Это был особый парад. Из всех фронтов, всех войск, стоявших еще, главным образом, за рубежами нашей страны, были отобраны герои, самые лучшие — они-то и образовали сводные полки. Они прибыли в Москву и, как бывает при подготовке к парадам, короткими ночами и ранними июньскими рассветами без устали отрабатывали четкость перестроений, чистоту равнения, мощь строевого шага.

И они прошли перед трибунами — не просто парадные части, а самый цвет наших Вооруженных Сил, бесстрашное и открытое лицо нашей армии. А возглавляли эти слитные колонны известные всем полководцы, командующие славными фронтами, любимцы армии и народа. И словно в былое время, верхом, на лошадях темной масти командовал парадом маршал Рокоссовский, а принимал парад маршал Жуков, и цокот копыт звучал на всю страну и много дальше.

Грозно прошли сводные полки, пронеся свои овеяные славой знамена и горячее дыхание лишь недавно отгремевшей войны. А вслед за этим к подножию Мавзолея были с презрением брошены покрытые позором фашистские знамена. И как когда-то поливальные машины мыли московскую мостовую после провода по ней немецких пленных, так теперь нежданный крупный ливень омыл брусчатку, стирая след брошенных на нее жалких германских знамен.

•

Окончилась война. Пришла Победа. Мы встретили ее кто где. Точно так же, как мы навсегда четко помним, где нас захватило начало войны, так мы видим и тот победный, заключительный день, час, миг — для нас

именно там окончилась война, где мы тогда находились. В Берлине, в чешском городе Зноймо, на Балтике, в госпитале, в карауле, в кузове грузовика, в Москве или за Уралом...

Окончилась Великая война. Мы не сразу это по-настоящему осознали. Окончился колоссальной значимости этап жизни и Истории. Нам выпало на долю жить в суровое, трагическое, славное время, принимать участие в событиях исключительных. К нашему времени и к нам с вами не раз будут обращаться мыслями и сердцем потомки: ведь нам удалось освободить и спасти Землю от страшной угрозы и беды.

На этом я заканчиваю рассказ о потерянном фотоальбоме, о двух своих безвременно ушедших товарищах и о Великой войне.

СОДЕРЖАНИЕ

И НЫНЧЕ НАС НЕ СЧЕСТЬ 3
РАССКАЗ О ПОТЕРЯННОМ ФОТОАЛЬБОМЕ . 9

Константин Яковлевич Ваншенкин

РАССКАЗ О ПОТЕРЯННОМ ФОТОАЛЬБОМЕ

Редактор И. В. Черняева
Художник О. С. Теслер
Художественный редактор М. В. Таирова
Технический редактор Г. С. Маринина
Корректор М. С. Никитина

ИВ № 3202
Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-У». Сдано в наб. 31.03.82. Подп. в печать 13.07.82. А00660. Формат 70×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 4,2, Усл. кр.-отт. 4,46. Уч.-изд. л. 3,93. Тираж 50 000. Заказ № 1145. Цена 15 к. Изд. инд. ХД-451.
Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.
Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.